

Δ 72

ПОХИТИТЕЛЬ СОБАК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА 1966

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

Виктор Драгунский
ХИТИ
ЕАВ

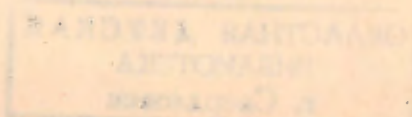
СОБАКА

2022.19

РР
ДТБ

Художник С. В. КАЛАЧЕВ

ДРУГ ДЕТСТВА

В позапрошлом году, когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далекие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять расставив ноги на капитанском мостике и посетить далекий Сингапур и купить себе там забавную обезьянку, а то мне до смерти хотелось превратиться в начальника станции метро и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

— Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит, чтобы выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челночке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву как он, то мне худеть будет

совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбину и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе, как дым, вот и все дела.

Когда я все это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксером, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга — просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжелую кожаную «грушу» — такой продолговатый тяжелый мяч, по нему надо бить изо всех сил, во всю ивановскую, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на все на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать в случае чего.

Я сказал папе:

— Папа, купи мне грушу!

Он сказал:

— Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

— Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксерскую грушу!

— А тебе зачем? — сказал папа.

— Тренироваться, — сказал я. — Потому что я буду боксером и буду всех побивать. Купи, а?

— Сколько же стоит такая груша? — поинтересовался папа.

— Пустяки какие-нибудь, — сказал я. — Рублей сто или триста.

— Ты спятил, братец, — сказал папа. — Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он пошел на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

— Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетеную корзинку, в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на веревочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлепкой, обрывок паруса от лодки и несколько погремух и много еще разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого мишку. Она бросила его мне на диван и сказала:

— Вот. Это тот самый, что тебе тетя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Еще лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут ее позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать в себе силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный желтый стеклянный, а другой большой белый из пуговицы от наволочки, я даже не помнил, когда он появился. Но это было неважно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял вверх, как будто шутил, что вот он уже заранее сдается...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной

кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки, прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я бы за него тогда жизнь бы отдал, и вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства, вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

— Ты что, — сказала мама, она уже вернулась из коридора, — что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слезы вкатились в меня обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

— Ты о чем, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксером.

○

ХИТРЫЙ СПОСОБ

Вот, — сказала мама, — полюбуйтесь! На что уходит отпуск? Посуда, посуда, три раза в день посуда! Утром мой чашки, вечером мой чашки, а днем целая гора тарелок! Просто бедствие какое-то!

— Да, — сказал папа, — действительно это ужасно! Как жалко, что ничего не придумано в этом смысле. Что смотрят инженеры? Да, да... Бедные женщины.

Папа глубоко вздохнул и уселся на диван. Мама увидела, как он удобно устроился, и сказала:

— Нечего тут сидеть и притворно вздыхать! Нечего все валить на инженеров! Я даю вам обоим срок! До обеда вы должны что-нибудь придумать и облегчить мне эту проклятую мойку! Кто не придумает, того я отказываюсь кормить! Пусть сидит голодный. Дениска! Это и тебя касается! Намотай себе на ус!

Я сразу сел на подоконник и начал придумывать, как быть с этим делом. Во-первых, я испугался, что мама в самом деле не будет меня кормить и я, чего доброго, помру с голоду. А во-вторых, мне интересно было что-нибудь придумать, раз инженеры не сумели. И я сидел и думал и искося поглядывал на папу, как у него идут дела. Но папа и не думал думать. Он побрился, потом надел чистую рубашку, потом прочитал штук десять газет и затем спокойнень-

ко включил радио и стал слушать какую-то передачу.

Тогда я стал думать еще быстрее. Я сначала хотел выдумать электрическую машину, чтобы сама мыла посуду и сама вытирала, и для этого я немножко развинтил наш электрополотер и папину электробритву «Харьков». Но у меня не получалось, куда прицепить полотенце.

Выходило, что при запуске машины бритва разрежет полотенце на тысячу кусочков. Тогда я все свинтил обратно и стал придумывать другое, и часа через два я вспомнил, что читал в газете про конвейер, и от этого сразу придумал довольно интересную штуку. И когда наступило время обеда, и мама накрыла на стол, и мы все расселись, я сказал:

— Ну что, папа? Ты придумал?

— Насчет чего? — сказал папа.

— Насчет мойки посуды, — сказал я. — А то мама перестанет нас с тобой кормить.

— Это она пошутила, — сказал папа. — Как это она не будет кормить родного сына и горячо любимого мужа?

И он весело рассмеялся. Но мама сказала:

— Ничего я не пошутила, вы у меня узнаете! Как не стыдно? Сотый раз вам говорю: я задыхаюсь от посуды! Это просто не по-товарищески — самим сидеть на подоконнике, бриться и слушать радио, в то время как я укорачиваю свой век, отмывая ваши ужасные чашки и тарелки!

— Ладно, — сказал папа. — Что-нибудь придумаем! А пока давайте же обедать. О, эти драмы из-за пустяков!..

— Ах, из-за пустяков? — сказала мама и прямо вся вспыхнула. — Нечего сказать, красиво! А я вот возьму и в самом деле не дам вам обеда, тогда вы у меня не так запоете.

И она сжала пальцами виски и встала из-за стола. И стояла у стола долго-долго и все смотрела на папу. А папа сложил руки на груди и раскачивался на стуле и тоже смотрел на маму. И они молчали. И не было никакого обеда. А я ужасно хотел есть. Я сказал:

— Мама, это только один папа ничего не придумал.

А я придумал! Все в порядке, ты не беспокойся, давайте обедать.

Мама сказала:

— Что же ты придумал?

Я сказал:

— Я придумал, мама, один хитрый способ!

Она сказала:

— Ну-ка, ну-ка!

Я спросил:

— А ты сколько моешь приборов после каждого обеда?

Она ответила:

— Три.

— Тогда кричи ура! — сказал я. — Теперь ты будешь мыть только один. Я придумал хитрый способ.

— Выкладывай, — сказал папа.

— Давайте сначала обедать, — сказал я. — Во время обеда расскажу, а то ужасно есть хочется.

— Ну что ж, — вздохнула мама, — давайте обедать.

И мы стали есть.

— Ну? — сказал папа.

— Это очень просто, — сказал я. — Ты только послушай, мама, как все складно получается. Смотри: вот обед готов. Ты сразу ставишь один прибор. Ставишь ты, значит, единственный прибор, наливаешь в тарелку супу, садишься за стол, начинаешь есть и говоришь папе: «Обед готов!» Папа, конечно, идет мыть руки, и пока он их моет, ты, мама, уже съедаешь суп и наливаешь ему нового в свою же тарелку. Вот папа возвращается в комнату и говорит мне: «Дениска, обедать! Ступай руки мыть!» Я иду. Ты же в это время ешь из маленькой тарелки котлеты. А папа ест суп. А я мою руки. И когда я их вымою, я иду к вам, а папа уже поел супу, а ты съела котлеты! И когда я вошел, папа наливает супу в свою свободную глубокую тарелку, а ты кладешь папе котлеты в свою пустую мелкую. Я ем суп, папа — котлеты, а ты спокойно пьешь компот из стакана! Когда папа съел второе, я как раз покончил с супом, тогда

он наполняет свою мелкую тарелку котлетами, а ты в это время уже выпила компот и наливаешь папе в этот же стакан. Я отодвигаю пустую тарелку из-под супа, принимаясь за второе, папа пьет компот, а ты, оказывается, уже пообедала, поэтому ты берешь глубокую тарелку и идешь на кухню мыть. А пока ты ее моешь, я уже проглотил котлеты, а папа — компот. Тут он живенько наливает в стакан компоту для меня и относит свободную мелкую тарелку к тебе, а я залпом выдуваю компот и сам несу на кухню стакан. Все очень просто! И вместо трех приборов тебе придется мыть только один. Ура!

— Ура! — сказала мама. — Ура-то ура, только не гигиенично!

— Ерунда! — сказал я. — Ведь мы все свои. Я, например, несколько не брезгую есть после папы. Я его люблю. Чего там! И тебя тоже люблю.

— Уж очень хитрый способ, — сказал папа. — И потом, что ни говори, а все-таки гораздо веселее есть всем вместе, а не трехступенчатым потоком.

— Ну, — сказал я, — зато маме легче! Посуды-то в три раза меньше уходит.

— Понимаешь, — задумчиво сказал папа, — мне кажется, я тоже придумал один способ. Правда, он не такой хитрый, но все-таки...

— Выкладывай, — сказал я.

— Ну-ка, ну-ка, — сказала мама.

Папа поднялся, засучил рукава и собрал со стола всю посуду.

— Иди за мной, — сказал он. — Я сейчас покажу тебе свой нехитрый способ. Он состоит в том, что теперь мы с тобой будем сами мыть всю посуду!

И он пошел. А я побежал за ним. И мы вымыли всю посуду. Правда, только два прибора. Потому что третий я разбил... Это получилось у меня случайно, я все время думал, какой простой способ придумал папа. И как это я сам не догадался?

АНГЛИЧАНИН ПАВЛЯ

202 219

Завтра первое сентября, — сказала мама, — и вот наступила осень, и ты пойдешь уже во второй класс. О, как летит время!..

— И по этому случаю, — подхватил папа, — мы сейчас «зарежем арбуза»!

И он взял ножик и взрезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зеленый треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз. И я уже раскрыл рот, чтобы вцепиться в розовый арбузный ломоть, но тут дверь распахнулась и в комнату вошел Павля. Мы все страшно обрадовались, потому что он давно уже не был у нас и мы по нем соскучились.

— Ого, кто пришел! — сказал папа. — Сам Павля. Сам Павля-Бородавля!

— Садись с нами, Павлик, арбуз есть, — сказала мама. — Дениска, подвинься.

Я сказал:

— Привет! — и дал ему место рядом с собой.

Он сказал:

— Привет! — и сел.

И мы начали есть и долго ели и молчали. Нам неохота было разговаривать. А о чем тут разговаривать, когда во рту такая вкусотища!

П И Т

И когда Павле давали третий кусок, он сказал:

— Ах, люблю я арбуз. Даже очень. Мне бабушка никогда не дает его вволю поесть.

— А почему? — спросила мама.

— Она говорит, что после арбуза у меня получается не сон, а сплошная беготня.

— Права, — сказал папа. — Вот поэтому-то мы и едим арбуз с утра пораньше. К вечеру его действие кончается и можно спокойно спать. Ешь давай, не бойся.

— Я не боюсь, — сказал Павля.

И мы все опять занялись делом и опять долго молчали. И когда мама стала убирать корки, папа сказал:

— А ты чего, Павля, так давно не был у нас?

— Да, — сказал я. — Где ты пропадал? Что ты делал?

И тут Павля напыжился, покраснел, поглядел по сторонам и вдруг небрежно так обронил, словно нехотя:

— Что делал, что делал?.. Английский изучал, вот что делал.

Я прямо опешил. Я сразу понял, что я все лето зря пропелушил. С ежами возился, в лапту играл, пустяками занимался. А вот Павля, он время не терял, нет, шалишь, он работал над собой, он повышал свой уровень образования. Он изучал английский язык и теперь небось сможет переписываться с английскими пионерами и читать английские книжки! Я сразу почувствовал, что умираю от зависти, а тут еще мама добавила:

— Вот, Дениска, учись. Это тебе не лапта!

— Молодец, — сказал папа. — Уважаю!

Павля прямо засиял.

— К нам в гости приехал студент, Сева. Так вот он со мной каждый день занимается. Вот уже целых два месяца. Прямо замучил совсем.

— А что, трудный английский язык? — спросил я.

— С ума сойти, — вздохнул Павля.

— Еще бы не трудный, — вмешался папа. — Там у них сам черт ногу сломит. Уж очень сложное правопи-

сание. Пишется Ливерпуль, а произносится Манчестер.

— Ну да! — сказал я. — Верно, Павля?

— Прямо беда, — сказал Павля, — я совсем измучился от этих занятий, похудел на двести граммов.

— Так что ж ты не пользуешься своими знаниями, Павлик? — сказала мама. — Ты почему, когда вошел, не сказал нам по-английски «здрате»?

— Я «здрате» еще не проходил, — сказал Павля.

— Ну вот ты арбуза поел, почему не сказал «спасибо»?

— Я сказал, — сказал Павля.

— Ну да, по-русски-то ты сказал, а по-английски?

— Мы до «спасибо» еще не дошли, — сказал Павля. —

Очень трудное пропо-ви-сание.

Тогда я сказал:

— Павля, а ты научи-ка меня, как по-английски «раз, два, три».

— Я этого еще не изучил, — сказал Павля.

— А что же ты изучил? — закричал я. — За два месяца ты все-таки хоть что-нибудь-то изучил?

— Я изучил, как по-английски «Петя», — сказал Павля.

— Ну, как?

— «Пит»! — торжествующе объявил Павля. — По-английски «Петя» будет «Пит». — Он радостно засмеялся и добавил: — Вот завтра приду в класс и скажу Петьке Горбушкину: «Пит, а Пит, дай ластик!» Небось рот разинет, ничего не поймет. Вот потеха-то будет. Верно, Денис?

— Верно, — сказал я. — Ну, а что ты еще знаешь по-английски?

— Пока все, — сказал Павля.

ЧТО ЛЮБИТ МИШКА

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро выскакивали разные звуки. Они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал:

— О! Какие люди! Сидят как два воробья на веточке! Ну, так что скажете?

Я спросил:

— Это вы что играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

— Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

— Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

— Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо большим словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

— Каким же? Словом-то?

Он серьезно и ясно ответил:

— Му-зы-ка. Шопен великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Ну, а ты чего любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

— Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про стrogанье, и про слоненка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, про прохладные звезды, и про лошадиные лица, все...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

— Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь еще маленький, ты не обижайся, а смотри-ка — любишь как много! Целый мир!

Тут в наш разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

— А я еще больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!!

Борис Сергеевич рассмеялся:

— Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, принимай эстафету. Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поерзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

— Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурованные. Сушки люблю тоже, и баранки; бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом. Я горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки, если они свежие, но черствые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари.

А еще я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частички в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку.

Вареную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, — на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копченую, и полукопченую, и сырокопченую! Эту вообще я люблю больше всех. Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой — все равно.

Люблю вареники с творогом, творог соленый, сладкий, кислый; люблю яблоки, тертые с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные — то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом, на закуску — кожуру!

Люблю печенку, котлеты, селедку, фасолевый суп, зеленый горошек, вареное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочек, могу и сырые. Бутерброды люблю прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным пюре или пшенной кашей. Так... Ну, про халву говорить не буду — какой дурак не любит халвы? А еще я люблю утятину, гусятину и индюшину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое. За семь, за девять. За тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать. За двадцать две и за двадцать восемь.

Мишка обвел глазами потолок и перевел дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше. Он бормотал:

— Крыжовник, морковь, кету, горбушу, репу, борщ, пельмени, хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хурму, компот, сосиски, вареники, колбасу, хотя колбасу уже тоже говорил...

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждет, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немного недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки: что, мол,

Мишка еще скажет. Но Мишка молчал. У них получилось, что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали.

Первый не выдержал Борис Сергеевич:

— Что ж, Миша, — сказал он, — ты многое любишь, спору нет, но все, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел:

— Ой, — сказал он смущенно, — чуть не забыл! Еще — котят! И бабушку!

ЗАПАХ НЕБА И МАХОРОЧКИ

Если подумать, так это просто какой-то ужас: я еще ни разу не летал на самолетах. Правда, один раз я чуть-чуть не полетел, да не тут-то было. Сорвалось. Прямо беда. И это не так давно случилось. Я уже не маленький был, хотя нельзя сказать и чтобы большой. Так, средних лет. В то время у мамы был отпуск и мы гостили у ее родных, в одном большом колхозе. Там было много тракторов и косилок, но, главное, там водились животные: лошади, цыплята и собаки — и веселая компания ребят. Они все были с белыми волосами и очень дружные. По ночам, когда я ложился спать в маленькой светелке, было слышно, как где-то далеко гармонисты играют что-то веселое и печальное, и под эту музыку я сразу засыпал. И я полюбил всех животных в этом колхозе, и особенно всех ребят, и решил, что проживу здесь для начала лет сорок, а там видно будет. Но вдруг — стоп машина! Здравствуйте! Мама сказала, что отпуск промчался как одно мгновение и нам надо срочно домой. Она спросила у дедушки Вали:

— Когда вечерний поезд?

Он сказал:

— А чего тебе поездом-то телепаться? Валяй на самолете! Аэропорт-то в трёх верстах. Момент, и вы с Дениской в Москве!..

Ну что за дедушка Валя — золотой человек! Добрый. Он один раз мне божию коровку подарил. Я его никогда не

забуду за это. И теперь тоже, он когда увидел, как мне хочется лететь на самолете, то в два счета уговорил маму, и она хотя и неохотно, но все-таки согласилась. И дедушка Валя, чтобы не гонять пятитонку по пустякам, запряг лошадь, положил наш тяжелый чемодан в телегу на сенцо, и мы уселись и поехали. Я просто не знаю, как сказать, до чего было здорово ехать, слушать, как скрипит тележка, и слышать, как вокруг пахнет полем, дегтем и махорочкой.

Я ехал и все время думал, что это еще только цветики, а ягодки у меня впереди, потому что мы скоро приедем в аэропорт. Я видел аэропорт на картинках. Я видел, какие там стояли прекрасные серебряные самолеты, длинные, острые и косокрылые, сразу ясно, какая в них сидит быстрая сила! Так бы и подпрыгнул и полетел за ними вслед! И я очень радовался, что сейчас полечу, потому что Мишка у нас в Москве во дворе рассказывал, как он с папой летал в Тбилиси, какой у них был самолет огромный, из трех комнат, и как им давали конфет сколько хочешь, а на завтрак сосиски в целлофановом мешочке и чай на подвесных столиках. Ни в сказке сказать, ни пером описать.

И я так совсем задумался, как вдруг наша тележка въехала в высокие деревянные ворота, украшенные елочными ветками. Ветки были старые, они пожелтели. За этими воротами тоже было поле, только трава была какая-то не пышная, а пожухлая и потертая. Немножко подалее, прямо перед нами, стоял небольшой домик. И дедушка Валя поехал к нему. Я сказал:

— Зачем мы сюда едем? Мне надоело трястись. Поедем поскорее в аэропорт.

Дедушка Валя сказал:

— А это чего? Это самый и есть аэропорт... Иль ослеп?

У меня прямо сердце упало. Это пожухлое поле и этот дом-развалюшка — аэропорт? Чепуха какая?! А где красота? Ведь никакой же красоты! Я сказал:

— А самолеты?

— Вот войдем в аэровокзал, — он показал на домик, —

пройдем его насквозь, войдем в другие двери, там и будут тебе самолеты. Покормить, что ли...

И он повязал нашей лошади на голову мешок с овсом, и она начала хруптеть.

А мы пошли в этот домик. В нем было душно и пахло щами. В первой комнате сидели люди. Тут был дяденька с колесом и старушка с мешком. В мешке кто-то дышал, наверно поросенок. Еще была женщина с двумя мелкими мальчатами в розовых рубашках и одним грудным. Она его завернула в пеленки туго-натуго, и он был похож на гусеничку, потому что он все время корчился. Тут же был газетный киоск. Дедушка Валя поставил наш тяжелый чемодан возле мамы и подошел к киоску. Я пошел за ним. Но киоск не работал. Там в стекле была бумажка, а на ней надпись печатными буквами:

Приду через 20.

Я прочел эту надпись вслух. Дядька, что был с колесом, сказал:

— Смотрите! Читает!

И все посмотрели на меня. А я сказал:

— И всего-то шесть лет.

Они все засмеялись. Дедушка Валя, когда смеялся, показывал все свои зубы. Они у него интересные были: один сверху направо, а другой внизу налево. Дедушка долго хохотал. В это время в комнату заглянул какой-то толстый парень. Он сказал:

— Кто на Москву?

— Мы, — сказали все хором и заторопились. — На Москву — это мы!

— За мной, — сказал парень и пошел. Все двинулись за ним. Мы прошли длинным коридором на другую сторону дома. Там была открытая дверь. Сквозь нее было видно синее небо. Перед выходом стояли два богатыря, дядьки здоровенные, прямо как борцы в парке. У одного была черная борода, а у другого — рыжая. Возле них стояли весы.

Когда пришла наша очередь, дедушка Валя крикнул и вскинул тяжелый чемодан на прилавок. Чемодан взвесили, и мама сказала:

— Далеко до самолета?

— Метров четыреста, — сказал Рыжий Богатырь.

— А то и все пятьсот, — сказал Черный.

— Помогите, пожалуйста, донести чемодан, — сказала мама.

— У нас самообслуживание, — сказал Рыжий.

Дедушка Валя подмигнул маме, закашлялся, взял чемодан, и мы вышли в отдельную дверь. Вдалеке стоял какой-то самолетик, похожий на стрекозу, только на журавлиных ногах. Мы пошли к нему. Впереди шли все наши знакомые: Колесо, Мешок с поросенком, Розовые Рубашонки, Гусеничка. И скоро мы пришли к самолету. Вблизи он оказался еще меньше, чем издали. Все стали в него карабкаться, а мама сказала:

— Ну и ну! Это что, дедушка русской авиации?

— Да все ж таки это всего-навсего внутриобластная авиация, — сказал наш дед Валя. — Конечно, не ТУ-104... Ничего не поделаешь. А все-таки летает!

— Да? — сказала мама. — Летает? Это мило! Он все-таки летает? Ох, напрасно мы не поехали поездом. Что-то я не доверяю этому птеродактилю. Какие-то средние века...

— Не лайнер, конечно! — сказал дедушка Валя. — Не стану врать. Не лайнер, упаси господь! Куда там.

Дедушка стал прощаться с мамой, а потом со мной. Он несильно кольнул меня своей голубой бородкой в щеку, и мне было приятно, что он пахнет махорочкой, и потом мы с мамой полезли в самолет.

Внутри самолета, вдоль стен, стояли две длинные скамейки. И летчика было видно, у него не было отдельной кабины, а была только легкая дверца, она была раскрыта, и он помахал мне рукой, когда я вошел в самолет. У меня сразу от этого стало лучше настроение, и я уселся и устроился довольно удобно — ноги на чемодан. Пассажиры си-

дели друг против друга. Напротив меня сидели Розовые Рубашонки. Летчик то включал, то выключал мотор. И по всему было видно, что мы вот-вот взлетим. Я даже стал держаться за скамейку, но в это время к аэроплану подъехал грузовик, заваленный какими-то железными чушками. Из грузовика выскочили два человека. Они что-то крикнули летчику. Откинули у своей машины борт, подъехали к самым дверям нашего лайнера и стали грузить свои железные чушки и болванки прямо в самолет. Когда грузчик бухнул свою первую железку где-то в хвосте самолета, летчик оглянулся и сказал:

— Потише там швыряйте. Пол проломить захотели?

Но грузчик сказал:

— Не бойсь.

Тут его товарищ принес следующую чушку и опять:

— Бряк!

А первый приволок новую:

— Шварк!

А тот еще одну:

— Буц!

Потом еще:

— Дзынь!

Летчик говорит:

— Эй, вы, там! Вы все в хвост не валите. А то я перекинусь в воздухе. Задний кувырок через хвост, и будь здоров.

Грузчик сказал:

— Не бойсь, не бойсь.

И сызнова:

— Бамс!

— Глянц!

Летчик говорит:

— Много там еще?

— Тонны полторы, — отвечает грузчик. Тут наш летчик прямо вскипел и схватился за голову.

— Вы что? — закричал он. — Ошалели, что ли? Вы понимаете, что я не взлечу? А?!!

А грузчик опять:

— Брумс!

— Брамс!

От этих дел в нашем самолете образовалась какая-то жуткая тишина. Мама была совершенно белая, а у меня щекотало в животе. А тут:

— Бримс!

Летчик скинул с себя фуражку и закричал:

— Я вам последний раз говорю: перестаньте таскать! У меня мотор барахлит! Вот, послушайте!

И он включил мотор. Мы услышали сначала ровное:

— Трррррррррррррррррр...

А потом ни с того ни с сего:

— Чав-чав-чав-чав...

И сейчас же:

— Хлюп-хлюп-хлюп...

И вдруг:

— Сюп-сюп-сюп... Пии-пий! Пии.

Летчик говорит:

— Ну? Можно при таком моторе перегружать машину?

Грузчик отвечает:

— Не бойсь, не бойсь. Это мы по приказу Сергачева грузим. Сергачев приказал, мы и грузим.

Тут наш летчик немножко скис и примолк. Мама стала желтая, а старушкин поросенок вдруг завизжал, как будто понял, что здесь шутки плохие. А грузчики свое:

— Трух!

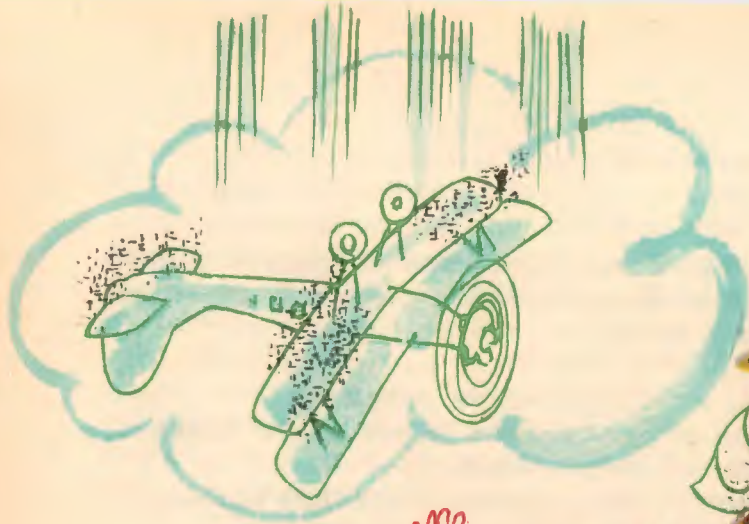
— Трах!

— Дзенц!

Но летчик все-таки взбунтовался:

— Вы мне устраиваете вынужденную посадку! Я прошлое лето тоже вот так десять километров не дотянул до Кошкина! И сел в чистом поле! Хорошо это, по-вашему, пассажиров пешком гонять по десять верст?

— Не бойсь, — сказал грузчик, — не подымай паники! Сойдет!

— Я лучше свою машину знаю, сойдет или нет! — крикнул летчик. — Интересно мне, по-твоему, полную машину людей гробить? Сергачева за них не посадят, нет. А меня посадят!

— Не бойсь, — сказал грузчик, — не посадят! Не Ма-нолис Глезос — не посадят.

И как ни в чем не бывало:

— Б-рынзь!

Тут мама встала и сказала:

— Товарищ водитель! Скажите, пожалуйста, есть у меня до отлета минут пять? Мальчик у меня просится...

— Идите, — сказал летчик, — только проворнее... А чемодан зачем берете?

— Я переоденусь, — сказала мама храбро, — а то мне жарко. Я задыхаюсь от жары.

— Быстренько, — сказал летчик.

Мама схватила меня под мышки и поволокла к двери. Там меня подхватил грузчик и поставил на землю. Мама выскочила следом. Грузчик протянул ей чемодан. И хотя наша мама всегда была очень слабая, но тут она подхватила наш тяжеленный чемоданище на плечо и помчалась прочь от самолета. Она держала курс на аэровокзал. Я бежал за ней. На крыльце стоял дедушка Валя. Он только всплеснул руками, когда увидел нас. И он, наверно, сразу все понял, потому что ни о чем не спросил маму. Все вместе мы, как будто сговорились, молча пробежали сквозь этот нескладный дом на другую сторону, к лошади. Мы вскочили в телегу и собрались ехать, но, когда я обернулся, я увидел, что от аэропорта, по пыльной дорожке, по жухлой траве, к нам бегут, спотыкаясь и протягивая руки, обе Розовые Рубашонки. За ними бежала их мама с маленькой, туго запеленутой Гусеничкой. Она прижимала ее к сердцу. Мы их всех погрузили к себе. Дедушка Валя дернул вожжи, лошадь тронула, и я откинулся на спину. Повсюду было синее небо, тележка скрипела, и ах как вкусно пахло полем, дегтем и махорочкой.

ГУСИНОЕ ГОРЛО

Когда мы сели обедать, я сказал:
— А я сегодня в гости пойду. К Мишке. На день рождения.
— Ну да? — сказал папа. — Сколько же ему стукнуло?

— Девять, — ответил я, — ему девять лет, папа, стукнуло. Теперь десятый год пошел.

— Как бежит время, — вздохнула мама. — Давно ли он лежал на подоконнике в ящичке от комода, а вот, пожалуйста, уже девять лет.

— Ну что ж, — разрешил папа, — сходи поздравь юбиляра. Ну-ка расскажи, а что ты подаришь своему дружку в этот памятный день?

— Есть подарочек, — сказал я. — Мишка, будь здоров, обрадуется...

— Что же именно? — спросила мама.

— Гусиное горло! — сказал я. — Сегодня Вера Сергеевна гуся потрошила, и я у нее выпросил гусиное горло, чтобы Мишке подарить.

— Покажи, — сказал папа.

Я вытащил из кармана гусиное горло. Оно было уже вымытое, очищенное, прямо загляденье, но оно было еще сыроватое, недосушенное, и мама вскочила и закричала:

— Убери сейчас же эту мерзость! Ужас!

А папа сказал:

— А зачем оно нужно? И почему оно скользкое?

Я сказал:

— Оно еще сырое. А я его высушу как следует и сверну в колечко, видишь, вот так.

Я показал папе. Он смотрел внимательно.

— Видишь? — говорил я. — Узкую горловину я всуну в широкую, брошу туда горошинок штук пять, оно, когда высохнет, знаешь как будет греметь? Первый сорт!

Папа улыбнулся:

— Ничего подарочек... Ну-ну!..

А я сказал:

— Не беспокойся. Мишке понравится. Я его знаю.

Но папа встал и подошел к вешалке. Он там порылся в карманах.

— На-ка, — он протянул мне монетки, — вот тебе немного денег. Купи Мишке конфет. А это от меня добавка. — И папа отвинтил от своего пиджака чудесный голубой значок «Спутник».

Я сказал:

— Ура, ребята! Мишка будет на седьмом небе. У него теперь от меня целых три подарка. Значок, конфеты и гусиное горло. Это всякий бы обрадовался!

Я взял гусиное горло и положил его на батарею досушиваться. Мама сказала:

— Вымой руки и ешь!

И мы стали дальше обедать, и я ел рассольник и потихоньку стонал от удовольствия, и вдруг мама положила ложку и сказала ни с того ни с сего:

— Прямо не знаю, пускать его в гости или нет?

Вот тебе раз! Гром среди ясного неба! Я сказал:

— А почему?

И папа тоже:

— В чем дело-то?

— Он нас там опозорит, — сказала мама, — он совершенно не умеет есть. Стонет, хлебает, везет... Кошмар!

— Ничего, — сказал я, — Мишка тоже стонет, еще лучше меня.

— Это не оправдание, — нахмурился папа. — Нужно есть прилично. Мало тебя учили?

— Значит, мало, — сказала мама.

— Ничему не учили, — сказал я, — я ем как бог на душу положит. И ничего. Довольно здорово получается. А чему тут учить-то?

— Нужно знать правила, — сказал папа строго. — Ты знаешь? Нет. А вот они: когда ешь, не чавкай, не причмокивай, не дуй на еду, не стони от удовольствия и вообще не издавай никаких звуков при еде.

— А я не издаю, — сказал я, — что, издаю, что ли?

— И никогда не ешь перед обедом хлеб с горчицей! — воскликнула мама.

Папа ужасно покраснел. Еще бы! Он недавно съел перед обедом, наверное, целое кило хлеба с горчицей. Когда мама принесла суп, оказалось, что у нее уже нет хлеба, папа весь съел, и мне пришлось бежать в булочную за новым. Вот он теперь и покраснел, но промолчал. А мама продолжала на него смотреть и все говорила беспощадным голосом. Она говорила как будто бы мне, но папе от этого было не по себе. И мне тоже. Мама столько наговорила, что я просто ужаснулся. Как же теперь жить? Того нельзя, этого нельзя!

— Не роняй вилку на пол, — говорила мама, — а если уронил, сиди спокойно, не становись на четвереньки, не ныряй под стол и не ползай там полчаса. Не барабань пальцами по столу, не свисти, не пой! Не хохочи за столом! Не ешь рыбу ножом, тем более если ты в гостях.

— А это вовсе не рыба была, — сказал папа, и лицо у него стало какое-то виноватое, — это были обыкновенные голубцы.

— Тем более. — Мама была неумолима. — Еще чего придумали, голубцы ножом! Ни голубцы, ни яичницу не едят ножом! Это закон!

Я ужасно удивился и сказал:

— А как же голубцы есть без ножа?

Мама сказала:

— А так же, как и котлеты. Вилочкой, и все.

Я сказал:

— Так ведь останется же на тарелке! Как быть?

Мама сказала:

— Ну и пусть останется!

— Так ведь жалко же! — взмолился я. — Я, может быть, еще не наелся, а тут осталось... Нужно доест!

Папа сказал:

— Ну и доедай, чего там!

Я сказал:

— Вот спасибо.

Потом я вспомнил еще одну важную вещь. Я сказал:

— А подливу?

Мама обернулась ко мне.

— Что — подливу? — спросила она.

— Вылизать... — сказал я.

У мамы брови подскочили до самой прически. Она стукнула пальцем по столу:

— Не смей вылизывать!

Я понял, что надо спастись. Я сказал:

— Что ты, мама? Я знаю, что вылизывать языком нельзя! Что я — собачонок, что ли? Я, мама, вылизывать никогда не буду, особенно при ком-нибудь. Я тебя спрашиваю: а вымазать? Хлебушком?

— Нельзя! — сказала мама. — Русским языком: никаких вымазываний.

— Так я же не пальцем! — сказал я. — Я хлебушком! Мякушкой!

— Отвяжись! — крикнула мама. — Тебе говорят?

И у нее сделались зеленые глаза. Как крыжовник. И я подумал, что черт с ней, с этой подливой, не буду я ее ни вылизывать, ни вымазывать, если мама из-за этого так расстраивается. Я сказал:

— Ну, ладно, мам. Я не буду вымазывать. Пусть пропадет.

— А вот, кстати, — сказал папа, — я серьезно хочу тебя спросить...

— Спрашивай, — сказала мама. — Ты ведь еще хуже маленького.

— Нет, верно, — продолжал папа. — У нас, знаешь, иногда эти... банкеты бывают, праздничные ужины, всякие там торжества... Так вот: ничего, если я иногда захвачу что-нибудь с собой? Ну, яблочко там или апельсин?

— Не сходи с ума! — сказала мама.

— Да почему же? — спросил папа.

— А потому, — сказала мама, — что сегодня ты унес яблоко с собою, а завтра начнешь винегрет в боковой карман запихивать! А во-вторых, не забудь, что этот апельсин купило государство! А ты его хватаешь — и в карман. Чем же ты отличаешься от самого обыкновенного расхитителя государственного имущества? А? Чем?

— Ничем, — сказал папа, — веди меня в милицию! За одно только пожелание взять апельсин!

И у него забегали скулы.

— Да, — сказал он и поглядел в потолок, — да, некоторые очень хорошо знают правила хорошего тона! Прямо профессора! Куда там!.. А как ты думаешь, Дениска, — папа взял меня за плечо и повернул к себе, — как ты думаешь, — он даже повысил голос, — если у тебя собрались гости и вдруг один хлыщ надумал уходить? Как ты думаешь, должна хозяйка дома провожать его до дверей и стоять с ним в коридоре чуть не двадцать минут?

Я не знал, что ответить папе. Его это, видимо, очень интересовало, потому что он крепко сжал мое плечо, даже больно стало. Но я не знал, что ему ответить. А мама, наверно, знала, потому что она сказала:

— Если я его проводила — значит, так было нужно. Чем больше внимания гостям, тем, безусловно, лучше.

Тут папа вдруг рассмеялся. Как из песни про блоху:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха! А я думаю, что он не сдохнет, если она не проводит его! Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Папа вдруг взъерошил волосы и стал ходить туда-сюда по комнате, как лев по клетке. И глаза у него все время вращались, теперь он смеялся с каким-то рыком: «Ха-ха! Ррр!!! Ха-ха! Рр!» Глядя на него, я тоже расхохотался:

— Конечно, не сдохнет! Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Тут случилось чудо. Мама встала, взяла со стола чашку, вышла на середину комнаты и аккуратно бросила эту чашку об пол. Чашка разлетелась на тысячу кусков. Я сказал:

— Ты что, мама? Ты это зачем?

А папа вскочил:

— Ничего, ничего. Это к счастью! Ну, давай, Дениска, собирайся! Иди к Мишке, а то опоздаешь! Нехорошо опаздывать на день рождения! Иди и не ешь рыбу ножом, не позорь фамилию!

Я собрал свои подарки и пошел к Мишке. И мы там веселились вовсю. Мы подскакивали на диване чуть не до потолка. Мишка даже стал лиловый от этого подскакивания. А фамилию нашу я не опозорил, потому что угощение было не обед или ужин, а лимонад и конфеты. Мы все поели конфеты, какие были, и даже ту коробочку съели, что я Мишке принес в подарок. А вообще подарков Мишке понесли видимо-невидимо: и поезд, и книжки, и краски. И Мишкина мама сказала:

— Ох, сколько подарков у тебя, Мишук! А тебе какой больше всех нравится?

Он сказал:

— Какой может быть разговор? Конечно, гусиное горло!

И покраснел от удовольствия.

А я так и знал.

СМЕРТЬ ШПИОНА ГАДЮКИНА

Оказывается, пока я болел, на улице стало совсем тепло, и до последних наших каникул осталось два или три дня. Я когда пришел в школу, все закричали:

— Дениска пришел, ура!

И я очень обрадовался, что пришел и что все ребята сидят на своих местах: и Катя Точилина, и Мишка, и Валерка, — и цветы в горшках, и доска такая же блестящая, и Раиса Ивановна веселая, и все, все, как всегда. И мы с ребятами ходили и смеялись на переменке, а потом Мишка вдруг сделал важный вид и сказал:

— А у нас будет весенний концерт!

Я сказал:

— Ну да?

Мишка сказал:

— Верно! Мы будем выступать на сцене. И ребята из четвертого класса нам покажут постановку. Они сами сочинили. Интересная!

Я сказал:

— А ты, Мишка, будешь выступать?

Он сказал:

— Подрастешь — узнаешь!

И я стал с нетерпением дожидаться концерта. Я дома все это сообщил маме, а потом сказал:

— Я тоже хочу выступать...

Мама улыбнулась и говорит:

— А что ты умеешь делать?

Я сказал:

— Как, мама? Разве ты не знаешь? Я умею громко петь. Ведь я хорошо пою? Ты не смотри, что у меня тройка по пению. Все равно я пою здорово.

Мама открыла шкаф и откуда-то из-за платяев сказала:

— Ты споешь в другой раз. Ведь ты болел... Ты просто будешь на этом концерте зрителем, — она вышла из-за шкафа, — это так приятно быть зрителем. Сидишь, смотришь, как артисты выступают, хорошо! А в другой раз ты будешь артистом, а те, кто уже выступали, будут зрителями. Ладно?

Я сказал:

— Ладно. Я тогда буду зрителем.

И на другой день я пошел на концерт. Мама не могла со мною пойти — она дежурила в институте, — папа как раз уехал на какой-то завод, на Урал, и я пошел на концерт один.

В нашем большом зале стояли стулья и была сделана сцена, и на ней висел занавес. А внизу сидел за роялем наш Борис Сергеевич. И мы все уселись, а по стенкам встали бабушки нашего класса. А я пока стал грызть яблоко.

Вдруг занавес открылся и появилась наша октябрятская вожатая Люся, она сказала громким голосом, как по радио:

— Начинаем наш весенний концерт! Сейчас ученик 1-го класса «В» Миша Слонов прочтет нам свои собственные стихи! Попросим!

Тут все захлопали, и на сцену вышел Мишка. Он довольно смело вышел, дошел до середины и остановился. Он постоял так немножко и заложил руки за спину. Опять постоял. Потом выставил вперед левую ногу. Все ребята сидели тихо-тихо и смотрели на Мишку. А он вдруг убрал левую

ногу и выставил вперед правую. Все молчали. Тогда Мишка снова переменял правую на левую. Потом он вдруг стал откашливаться:

— Кхм! Кхма! Кhme!

Я сказал:

— Ты что, Мишка, поперхнулся?

Он посмотрел на меня, как на незнакомого. Потом поднял глаза в потолок и сказал:

Стих

Пройдут года, наступит старость!
Морщины вскочут на лице!
Желаю творческих успехов,
Чтоб хорошо учились и дальше все!

И Мишка поклонился и полез со сцены. И все ему здорово хлопали, потому что, во-первых, стихи были очень хорошие, а во-вторых, подумать только, Мишка сам их сочинил. Просто молодец!

И тут опять вышла Люся и объявила:

— Выступает Валерий Тагилов, первый класс «В»!

Все опять захлопали еще сильнее, а Люся поставила стул на самой середке, и тут вышел наш Валерка со своим маленьким аккордеоном и сел на стул, а чемодан от аккордеона поставил себе под ноги, чтобы они не болтались в воздухе. Он сел и заиграл вальс «Амурские волны», и все слушали, и я тоже слушал, и все время думал, как это Валерка так быстро перебирает пальцами? И я стал тоже так быстро перебирать пальцами по воздуху, но не мог поспеть за Валеркой. А сбоку, у стены, стояла Валеркина бабушка, она помаленьку дирижировала, когда Валерка играл. И он хорошо играл, громко, мне очень понравилось. Но вдруг он в одном месте сбился. У него остановились пальцы. Валерка немножко покраснел, но опять зашевелил пальцами, как будто дал им разбежаться, но пальцы добежали до какого-то места и опять остановились, ну просто как будто споткнулись. Валерка стал совсем красный и снова стал разбегать-

ся, но теперь его пальцы бежали как-то боязливо, как будто знали, что они все равно опять споткнутся, и я уже готов был лопнуть от злости, но в это время, на том самом месте, где Валерка два раза спотыкался, его бабушка вдруг вытянула шею, вся подалась вперед и запела:

...Серебрятся волны,
Серебрятся волны...

И Валерка сразу подхватил, и пальцы у него как будто перескочили через какую-то неудобную ступеньку и побежали дальше, дальше, быстро и ловко до самого конца. Вот уж ему хлопали, так хлопали! А его бабушка даже кричала «бис»!

После этого на сцену выскочили шесть девочек из первого «А» и шесть мальчиков из первого «Б». У девочек в волосах были разноцветные ленты, а у мальчиков ничего не было. Они стали танцевать украинский гопак и топали ногами так, что пыль на сцене поднялась столбом и я два раза чихнул. Борис Сергеевич играл ничего себе, хотя можно было бы играть погромче. Потом он сильно ударил по клавишам и кончил играть. А мальчишки и девчонки еще топали по сцене, сами, без музыки, кто как, и это было очень весело и красиво, и я уже собрался тоже слазить к ним на сцену и немного потопать, но они вдруг разбежались, и вышла Люся и сказала:

— Перерыв пятнадцать минут. После перерыва учащиеся четвертого класса покажут пьесу, которую они сочинили всем коллективом, под названием «Собаке — собачья и смерть».

И все задвигали стульями и пошли кто куда, а я вытащил из кармана свое грызеное яблоко и начал его догрызать. А наша октябрятская вожатая Люся стояла тут же рядом. Вдруг к ней подбежала довольно высокая рыженькая девочка и сказала:

— Люся, можешь себе представить, Егоров не явился!

Люся всплеснула руками:

— Не может быть! Что же делать? Кто же будет звонить и стрелять?

Девочка сказала:

— Нужно немедленно найти какого-нибудь сообразительного паренька, мы его научим, что делать!

Тогда Люся стала глядеть по сторонам и заметила, что я стою и грызу яблоко. Она сразу обрадовалась.

— Вот, — сказала она, — Дениска! Чего же лучше? Он нам поможет. Дениска, иди сюда!

Я подошел к ним поближе. Рыжая девочка посмотрела на меня и сказала:

— А он вправду сообразительный?

Люся говорит:

— По-моему, да!

А рыжая девочка говорит:

— А так, с первого взгляда, не скажешь!

Я сказал:

— Можешь успокоиться! Я сообразительный.

Тут они с Люсей засмеялись, и рыжая девочка потащила меня за сцену.

Там стоял мальчик из четвертого класса, он был в черном костюме, и у него были засыпаны мелом волосы, как будто он седой, он держал в руках пистолет, а рядом с ним стоял другой мальчик, тоже из четвертого класса. Этот мальчик был приклеен к бороде, на носу у него сидели синие очки, и он был в клеенчатом плаще с поставленным воротником. Тут же были и еще мальчики и девочки, кто с портфелем в руках, кто с чем, а одна девочка в косынке, халатике и с веником.

Я как увидел у мальчика в черном костюме пистолет, так сразу спросил его:

— Это настоящий? Вальтер или браунинг?

Но рыжая девочка перебила меня.

— Слушай, Дениска! — сказала она. — Ты будешь нам помогать. Встань тут сбоку и смотри на сцену. Когда

вот этот мальчик скажет: «Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!» — ты сразу позвони в этот звонок. Понял?

И она протянула мне велосипедный звонок. Я взял его. Девочка сказала:

— Ты позвонишь, как будто это телефон, а этот мальчик снимет трубку и поговорит по телефону и уйдет со сцены. А ты стой и молчи. Понял?

Я сказал:

— Понял, понял. Чего тут не понять? А пистолет у него настоящий. Парабеллум или какой?

— погоди ты со своим пистолетом, — а именно что он не настоящий! Слушай: стрелять будешь ты здесь, за сценой. Когда вот этот, с бородой, останется один, он схватит со стола папку и кинется к окну, а этот мальчик, в черном костюме, в него прицелится, тогда ты возьми эту досточку и что есть силы стукни по столу. Вот так, только гораздо сильнее.

И рыженькая девочка бахнула по столу доской. Получилось очень здорово, как настоящий выстрел. Мне понравилось.

— Здорово, — сказал я, — а потом?

— Это все, — сказала девочка. — Если понял, повтори!

Я все повторил. Слово в слово.

Она сказала:

— Смотри же, не подведи!

Я сказал:

— Можешь успокоиться. Я не подведу.

И тут раздался наш школьный звонок, как на уроки.

Я положил велосипедный звонок на отопление, прислонил досточку к стулу, а сам стал смотреть в щелочку занавеса. Я увидел, как пришли Раиса Ивановна и Люся, и как садились ребята, и как бабушки опять встали у стенок, а сзади чей-то свободный папа взгромоздился на табуретку и начал наводить на сцену фотоаппарат. Было очень интерес-

но отсюда смотреть туда, гораздо интересней, чем оттуда сюда. Постепенно все стали затихать, и девочка, которая меня привела, побежала на другую сторону сцены и потянула за веревку. И занавес открылся, и эта девочка спрыгнула в зал, а на сцене стоял стол, и за ним сидел мальчик в черном костюме, и я знал, что в кармане у него пистолет. А напротив этого мальчика ходил мальчик с бородой. Он сначала рассказал, что долго жил за границей, а теперь вот приехал опять, и потом стал нудным голосом приставать и просить, чтобы мальчик в черном костюме показал ему план аэродрома.

Но тот сказал:

— Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

Тут я сразу вспомнил про звонок и протянул руку к отоплению. Но звонка там не было. Я подумал, что он упал на пол, и наклонился посмотреть. Но его не было и на полу. Я даже весь обомлел. Потом я взглянул на сцену. Там было тихо-тихо. Но потом мальчик в черном костюме подумал и снова сказал:

— Да-да! Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

Я просто не знал, что делать. Где звонок? Он только что был здесь! Не мог же он сам ускакать как лягушка! Может быть, он скатился за отопление? Я присел на корточки и стал шарить по пыли за отоплением. Звонка не было! Нету! Люди добрые! Что же делать?!!

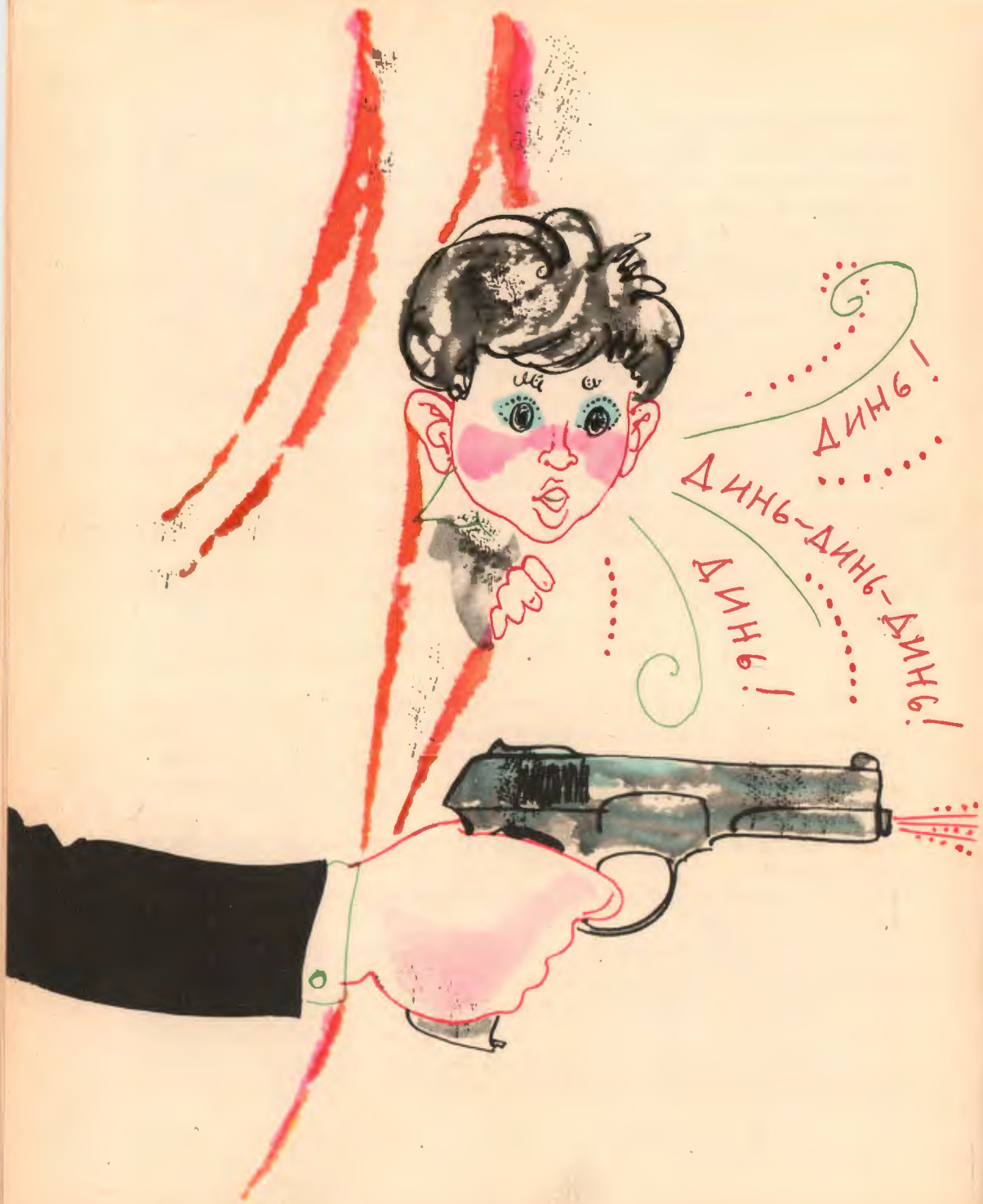
А на сцене бородатый мальчик стал ломать себе пальцы и кричать:

— Я вас пятый раз умоляю! Все-таки покажите мне план аэродрома!

А мальчик в черном костюме повернулся ко мне лицом и заорал страшным голосом:

— Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

И погрозил мне кулаком. И бородатый тоже погрозил мне кулаком! Они оба мне грозили!

ДИНЬ!
ДИНЬ-ДИНЬ-ДИНЬ!
ДИНЬ!

Я подумал, что они меня убьют. Но ведь не было звонка! Звонка-то не было! Он же потерялся!

Тогда мальчик в черном костюме схватился за волосы и сказал, глядя на меня с умоляющим выражением лица:

— Сейчас, наверно, позвонит телефон! Вот увидите, сейчас позвонит телефон! Сейчас позвонит!

И тут меня осенило. Я высунул голову на сцену и быстро сказал:

— Динь-динь-динь!

И все в зале страшно рассмеялись. Но мальчик в черном костюме очень обрадовался и сразу схватился за трубку. Он весело сказал:

— Слушаю вас! — и вытер пот со лба.

А дальше все пошло как по маслу. Мальчик в черном встал и сказал бородатому:

— Меня вызывают. Я приеду через несколько минут!

И ушел со сцены. И встал на другой стороне. И тут мальчишка с бородой пошел на цыпочках к его столу и стал там рыться и все время оглядываться. Потом он злорадно рассмеялся, схватил какую-то папку и побежал к задней стене, на которой было наклеено картонное окно. Тут выбежал другой мальчик и стал в него целиться из пистолета. Я сразу схватил доску, да как трахну по стулу изо всех сил. А на стуле сидела какая-то неизвестная кошка. Она закричала диким голосом, потому что я попал ей по хвосту. Выстрела не получилось, зато кошка поскакала на сцену. А мальчик в черном костюме бросился на бородатого и стал душить. Кошка носилась между ними. Пока мальчишки боролись, у бородатого отвалилась борода. Кошка подумала, что это мышь, схватила ее и, слава богу, убежала. А мальчик как только увидел, что он остался без бороды, так сразу лег на пол, как будто умер. Зрители смеялись как сумасшедшие. Тут на сцену прибежали остальные ребята из четвертого класса, кто с портфелем, кто с веником, они все стали спрашивать:

— Кто стрелял? Что за выстрелы?

А никто не стрелял. Просто кошка подвернулась и всему помешала.

Но мальчик в черном костюме сказал:

— Это я убил шпиона Гадюкина!

И тут рыженькая девочка закрыла занавес. И все, кто был в зале, хлопали так сильно, что у меня заболела голова. Я быстренько спустился в раздевалку, оделся и побежал домой. А когда я бежал, мне все время что-то мешало. Я остановился, полез в карман и вынул оттуда... велосипедный звонок!

НЕЗАВИСИМЫЙ ГОРБУШКА

Недели две тому назад у нас в школе был огромный праздник — встреча со знаменитым писателем. Мы давно уже всем классом читали его смешные рассказы и стихи, и они нам очень нравились. За веселье. И когда Раиса Ивановна сказала, что в субботу он придет к нам в класс, мы захлопали в ладоши и закричали «бис». Но Раиса Ивановна сказала:

— Прекратите ор! Здесь не цирк. Здесь школа. Лучше давайте подумаем, как мы встретим нашего гостя. Шевелите мозгами! Конкурс открыт!

Мы сейчас же стали поднимать руки и предлагать. Мы галдели все вместе, каждый свое:

- Надо ему цветы подарить!
- Назначить его почетным пионером!
- Лучше подарить ему подушечек для иголок!
- Сняться с ним на карточку!
- Ерунда! Его нужно угостить хорошенько!
- Чай с хлебом, с маслом и сосисками!
- Идея! Как войдет, так сразу громовое «урра»!
- Верно! И салют из пугачей! Сто один залп!
- Да! Дверь открывается, а мы — трах-трабабах!
- Ночь в Крыму — все в дыму!
- Шик, блеск!
- А я говорю, лучше подушечку для иголок!

— Плевать он хотел на твою подушечку! Что он, ненормальный, что ли?

— От дурака слышу!

— Подарить надо моего кота Ваську. Шесть кило чистого весу!

— Нет, дудки. Подари кота кому-нибудь другому!

— Да его никто не берет!

— Подушечку для иголок!

— Пузырькова! Ты забудешь когда-нибудь про свои подушечки?

— Качать его надо!

— А если он тяжелый?

— Позвать восьмой класс на помощь!

Мы так долго еще обсуждали, и в конце концов Раиса Ивановна сказала:

— В общем, ясно. Букет цветов — раз. Аплодисменты — два. Потом мы попросим его почитать. А когда он почитает, мы его выберем почетным пионером нашего отряда. И Маша Кожина наденет ему пионерский галстук. А уж потом мы постараемся сфотографироваться вместе с ним. Вот и все! Скромно и хорошо, не правда ли? Договорились?

— Точно, — сказали мы, — договорились, все в порядке.

И тут встал маленький Петька Горбушкин. Он поднял руку, но Раиса Ивановна его не замечала: куда там, он маленький и толстенный, как ежик, а в классе столпотворение, его не видно вовсе. Тогда я сказал:

— Раиса Ивановна, Горбушкин хочет что-то сказать.

Она сказала:

— Ну, что же, Горбушкин, выкладывай!

И Горбушкин начал. Он сначала немножко запел, вот так:

— А-а-а...

А потом начал говорить:

— Ав... Авв... Авв...

Он не мог с собою справиться. Он, наверное, волновал-

ся. И мы терпеливо ждали, когда у него пройдет.

Дело в том, что наш Горбушка заикался. С самого первого класса. И он не как-нибудь скромненько так заикался, нет, он был чемпионом заикания. Горбушка был неслыханный трехступенчатый заика. Прежде чем заговорить, он сначала как будто чего-то запевал потихоньку:

— А-а-а-а-а-а...

А потом вдруг сразу он переходил на вторую ступеньку и начинал говорить первый слог нужного слова. Например, если он хотел сказать «здравствуйте», то после пения «аааа» он начинал молотить, как попугай, раз десять подряд одно и то же: «Ззздра... Ззздра... Здра...»

А потом ему надоедало, и он соскакивал уже на третью ступеньку и, быстро потряхивая головой, как будто желая избавиться от заикания, как от надоедливой мухи, Горбушка выкрикивал волшебное слово «тех-тех-тех» и после этого гладко и быстро выговаривал:

— Здравствуйте Раиса Ивановна я забыл доматетрадь по русскому языку — я больше не буду!

Но это заикание у него получалось только в особо важных случаях, когда он волновался, а так он говорил очень хорошо, громко и бойко, и вообще был очень славный паренек, и лучше всех в классе рисовал лошадей, и всегда делился завтраком, и мы к нему привыкли, и никто никогда не смеялся над Горбушкой, что он заикается. И оттого, что мы над ним не смеялись, заикание у него почти совсем прошло. А вот сейчас он снова начал свою песенку «ааа...» И мы все терпеливо ждали. Нам хотелось узнать, что же скажет Горбушка. И он очень скоро сказал:

— Ааа... ав-ав... тех-тех-тех, автографнадоу него попросить?

Это значит — Горбушка хотел попросить писателя, чтобы он ему надписал свою книжку на память. Я сказал:

— Молодец, Горбушка, правильная мысль!

И после этого мы стали ждать писателя. Некоторые в классе учили его стихи наизусть, Пузырькова все-таки вы-

шивала ему подушечку для иголок, большинство ждали просто так, но с нетерпением, а дни катились один за одним, очень быстро, и вот наконец наступила наша Великая Суббота. В этот день мы все, еще с утра, были вымытые, и причесанные, и прилизанные, в белых глаженных рубашках, с красными галстуками, и я просто удивился, что от этой чистоты получилось, как будто мы все очень красивые. Даже девчонки, вот что странно. В общем, у нас был какой-то ненастоящий вид. И класс был нарядный и чистый, и на столе стоял букет цветов. И вдруг дверь распахнулась, и к нам вошел писатель. Он был высоченный. Под потолок. А больше ничего особенного. Ни-че-го. Просто так. И главное, в нем не было никакой важности. Было сразу видно, что он нисколько не задается. Когда он вошел, мы сразу все встали, он подошел к столу, а Раиса Ивановна сказала:

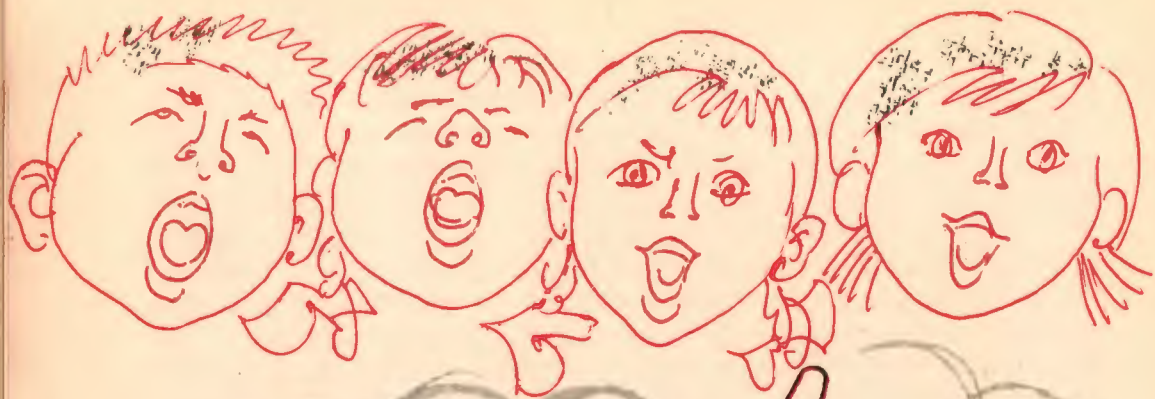
— Дорогие ребята, сегодня у нас в гостях ваш любимый писатель Иван Владиславович...

И не успела она произнести его фамилию, как мы захлопали изо всех сил, а он улыбнулся и сразу стал такой симпатичный и веселый, что мы еще громче захлопали и не выдержали и завопили, а некоторые даже стали подпрыгивать на одном месте, а другие их стали успокаивать и успокаивали обеими руками, а те не захотели успокаиваться и стали отбиваться — я, например, здорово съездил Левке по затылку, а затем он меня схватил поперек живота. В общем, у нас в классе получилась небольшая ку-терьма.

Наконец Раиса Ивановна хлопнула по столу, и мы стали понемножку затихать. И когда стало совсем тихо, наш писатель уперся своими тонкими руками в стол, наклонился и сказал:

— Ззздр... зздр... зздр...

Мы просто остолбенели. Что это такое? Он заикается, что ли? А мы этого не знали. Это было для нас неожиданно... Нас никто не предупредил, и поэтому наша классная дурьнда Соня Пузырькова на задней парте сразу захихика-

ла своим глупым голосом. Тогда писатель слегка покраснел и сказал в сторону Соньки нормально и спокойно:

— Ребята, я хотел вас предупредить, что, когда я чем-нибудь взволнован или тронут, я начинаю немножко заикаться. Кому это смешно — может выйти из класса. Я не обижусь!

Вот как он ее отбрил. Она вся надулась, стала красная и опустила голову. А я встал и сказал:

— Иван Владиславович, не обращайтесь на Пузырькову внимания. Потому что она дура. Пожалуйста, не стесняйтесь. Заикайтесь, сколько угодно. Будьте, как дома.

И весь класс опять захлопал, а писатель улыбнулся и стал еще симпатичнее в сто раз. И он прочитал нам вслух все любимые наши стихи и рассказы.

И он здорово читал, великолепно, лучше любого артиста, и мы чуть животики не надорвали, и так было это все интересно, особенно то, что он это сам все сочинил, сам придумал, и вот он здесь, живой, с нами, вправду, наяву!!!

Вот он сидит, улыбается, и можно потрогать его руками, и он не рассердится, потому что добрые не сердятся на детей. И он все еще читал, и ребята даже визжали, а я просто не знал, что мне делать от удовольствия. И это продолжалось долго, наверное больше часа, и я мог бы так сидеть и слушать до позднего вечера, но некоторые ребята стали поднимать руку и спрашиваться «можно выйти». И тогда писатель остановился и сказал:

— Ну, вот на этом разрешите закончить. Желаю вам всем здоровья и веселья. Я надеюсь, что мы с вами подружались? Да?

Конечно, мы опять заорали, завопили и заголосили на разные манеры, и к писателю подошла Маша Кожина, от горшка два вершка, и надела ему на шею пионерский галстук, а мы закричали:

— Спа! Си! Бо! Спа! Си! Бо!

И тут какая-то девчонка подарила ему цветы и совсем осмелилась и поцеловала его в ухо. У него покраснели гла-

за, он помахал рукой, чтобы привлечь наше внимание. Он сказал:

— Ппа... Ппа... Ппа...

И мы поняли, что он опять тронут и волнуется. Мы сейчас же притихли, чтобы услышать, что он нам скажет. Но в эту самую минуту Горбушка вытащил из парты какую-то книжку, встал, поднял руку и завел тоже:

— Ппа... ппа... ппа...

Горбушка, наверное, тоже волновался. Писатель глянул на него краешком глаза, но не обратил внимания. Он хотел успокоиться и что-то нам сказать. Но ему не удавалось успокоиться, как он ни старался, и поэтому у него получалось только:

— Ппа... ппа... ппа...

А Горбушка что — хуже, что ли? Он тоже тянул свое:

— Ппа... ппа... ппа...

Тогда писатель разозлился и сказал:

— Ты чего, мальчик, дразнишься? Это некрасиво!

И снова обернулся к нам:

— Ппа... ппа... ппа...

А Горбушка быстро ответил:

— Я инедумаюдразниться...

Он протянул писателю книжку и жалобно сказал:

— Ппа... ппа... ппа...

У писателя глаза прямо сверкнули. Я подумал, что он сейчас чего доброго убьет нашего Горбушку. Он сказал:

— А зачем заикаешься? Это я заикаюсь, а не ты. Не пугай, пожалуйста!

И в третий раз обратился к нам:

— Ппа... ппа... ппа...

Тут Горбушка протрещал с каким-то даже отчаянием:

— Я тоже заикаюсь. Еще лучше вас! Ппа... ппа...

ппа...

Я подумал, что без меня они, того гляди, передерутся сейчас.

Я вскочил с места.

— Иван Владиславович, — сказал я, — это наш Горбушка! Он вас не дразнит. Просто он заикается тоже. Но он заикается самостоятельно, Иван Владиславович! Просто тут так сошлось. Что вы оба... Но вы не думайте, он сам по себе, а вы сами по себе. Горбушка! Ты что хотел сказать? Только не волнуйся! Возьми себя в руки! Постарайся!

Горбушка сейчас же постарался и взял себя в руки:

— Пппо... пппожалуйста, надпишитемневашукнижку-напамятьмоеоченьлюбим!

— Вот и все, — сказал я, — молодец, Горбушка. Видите, Иван Владиславович, вот он что хотел сказать. Он славный, а заикается он совершенно независимо.

Тут писатель засмеялся и сказал:

— Давай свою книжку!

Взял и написал на первой странице:

«Независимому Горбушке на добрую память».

Потом он встал и очень тихо сказал:

— Ппо...ппо... ппозвольте сказать вам, что я вас очень люблю. — И ушел.

ПОЖАР ВО ФЛИГЕЛЕ ИЛИ ПОДВИГ ВО ЛЬДАХ

Мы с Мишкой так заигрались в хоккей, что совсем забыли, на каком мы находимся свете, и когда спросили одного проходящего дяденьку, который час, он нам сказал:

— Ровно два.

Мы с Мишкой прямо за голову схватились. Два часа! Каких-нибудь пять минут поиграли, а уже два часа! Ведь это же ужас! Мы же в школу опоздали! Я подхватил портфель и закричал:

— Бегом давай, Мишка!

И мы полетели как молнии. Но очень скоро устали и пошли шагом. Мишка сказал:

— Не торопись, теперь уже все равно опоздали!

Я говорю:

— Ох, влетит... Родителей вызовут! Ведь без уважительной же причины.

Мишка говорит:

— Надо ее придумать. Уважительную эту причину. А то на совет отряда пригласят! Давай выдумывай поскорее!

Я говорю:

— Давай скажем, что у нас зубы заболели и что мы ходили их вырывать.

Но Мишка только фыркнул:

— У обоих сразу заболели, да? Хором заболели? Нет, так не бывает. И потом: если мы их рвали, то где же дырки?

Я говорю:

— Что же делать? Прямо не знаю... Ой, вызовут на совет и родителей пригласят. Слушай, знаешь что? Надо придумать что-нибудь интересное и храброе, чтобы нас еще и похвалили за опоздание, понял?

Мишка говорит:

— Это как?

А я:

— Ну, например, выдумаем, что где-нибудь был пожар, а мы как будто ребенка из этого пожара вытащили, понял?

Мишка обрадовался:

— Ага, понял! Можно про пожар выдумать, а то еще лучше сказать, как будто лед на пруду проломился, и ребенок этот — бух! В воду упал! А мы его вытащили... Тоже красиво!

— Ну, да! — говорю я. — Правильно! Но пожар все-таки лучше!

— Ну, нет, — говорит Мишка, — именно что лопнувший пруд интереснее!

И мы с ним еще немножко поспорили, что интересней и храбрей, и не доспорили, а уже пришли к школе. А в раздевалке наша гардеробщица тетя Паша вдруг говорит:

— Ты где это так оборвался, Мишка? У тебя весь воротник без пуговиц. Нельзя таким чучелом в класс являться. Все равно уж ты опоздал, давай хоть пуговицы-то пришью! Вон у меня их целая коробка. А ты, Дениска, иди в класс, нечего тебе тут торчать!

Я сказал Мишке:

— Ты поскорее тут шевелись, а то мне одному, что ли, отдуваться?

Но тетя Паша шуганула меня:

— Иди, иди! А он за тобой! Марш!

И вот я тихонько приоткрыл дверь нашего класса, просунул голову и вижу весь класс и слышу, как Раиса Ивановна диктует по книжке:

— Птенцы пищат!

А у доски стоит Валерка и выписывает корявыми буквами:

— Пценцы пестчат...

Я не выдержал и рассмеялся, а Раиса Ивановна подняла глаза и увидела меня. Я сразу сказал:

— Можно войти, Раиса Иванна?

— Ах, это ты, Дениска, — сказала Раиса Ивановна, — что ж, входи! Интересно, где это ты пропал?

Я вошел в класс и остановился у шкафа. Раиса Ивановна взглядела в меня и прямо ахнула:

— Что у тебя за вид? Ты почему такой встрепанный? Где это ты так извалялся? А? Отвечай толком!

А я еще ничего не придумал и не могу толком отвечать, а так, говорю что попало, все подряд, только чтобы время протянуть:

— Я, Раиса Иванна, не один... Вдвоем мы, вместе... С Мишкой... Вот оно как... Ого! Ну и дела. Так и так! И так далее...

А Раиса Ивановна:

— Что, что? Ты успокойся, говори помедленней, а то непонятно! Что случилось? Где вы были? Да говорите!

А я совсем не знаю, что говорить. А надо говорить. А что будешь говорить, когда нечего говорить? Вот я и говорю:

— Мы шли с Мишкой. Да. Вот... Шли себе и шли. Никого не трогали. Мы в школу шли: чтоб не опоздать. И вдруг такое! Такое дело, Раиса Ивановна, прямо ох-охох! Ух ты! Ай-яй-яй!

Тут все в классе рассмеялись и загалдели. Особенно громко возликовал Валерка. Потому что он уже давно предчувствовал двойку за своих «пценцов».

А тут урок остановился, и можно смотреть на меня и хохотать. Он прямо покатывался. Но Раиса Ивановна быстро прекратила этот базар.

— Тише, — сказала она. — Дайте разобраться! Корабль! Отвечай, где вы были? Где Мишка?

А у меня в голове уже началось какое-то завихрение от всех этих приключений, и я ни с того ни с сего заявил:

— Мишка сейчас тетю Пашу к пуговице пришивает. То есть воротник пришивает к тете Паше!

Опять шум и смех, а Раиса Ивановна ужасно покраснела, и тут я понял, что хочешь не хочешь, а теперь уж надо что-нибудь сказать.

Я взял и брякнул:

— Там пожар был!

И сразу все утихло. А Раиса Ивановна побледнела и говорит:

— Где пожар?

А я:

— Возле нас. Во дворе. Во флигеле. Дым валит — прямо клубами. А мы идем с Мишкой. Мимо черного хода! А дверь этого хода кто-то доской снаружи припер. Вот. А мы идем! А оттуда, значит, дым! И кто-то пищит. Ну, мы доску отняли, а там маленькая девочка. Плачет. Задыхается. Ну, мы ее за руки, за ноги, и спасли. А тут ее мама прибегает, говорит: «Как ваша фамилия? Мальчики, я про вас в газету благодарность напишу!» А мы с Мишкой говорим: «Что вы, какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку. Не стоит благодарности. Мы скромные советские ребята!» Вот. И мы ушли с Мишкой. Можно сесть, Раиса Ивановна?

Она встала из-за стола и подошла ко мне. Глаза у нее были серьезные и счастливые. Она сказала:

— Как это хорошо! Очень, очень рада, что вы с Мишей такие молодцы! Иди садись. Сядь. Посиди...

И я видел, что она прямо хочет меня погладить или даже поцеловать. И мне от всего этого не очень-то весело ста-

ло. И я пошел потихоньку на свое место, и весь класс смотрел на меня, как будто я и вправду сотворил что-то особенное. И на душе у меня скребли кошки. Но в это время дверь распахнулась и на пороге показался Мишка. Все повернулись и стали смотреть на него. А Раиса Ивановна обрадовалась.

— Входи, — сказала она, — входи, Мишук, садись. Сядь. Посиди. Успокойся. Ты ведь, конечно, тоже переволновался!

— Еще как, — говорит Мишка, — я боялся, что вы заругаетесь.

— Ну, раз у тебя уважительная причина, — говорит Раиса Ивановна, — ты мог не волноваться. Все-таки вы с Дениской человека спасли. Не каждый день такое бывает.

Мишка даже рот разинул. Он, видно, совершенно забыл, о чем мы с ним говорили.

— Ч-ч-человека? — говорит Мишка и даже заикается. — С... с... спасли? А кк... кк... то спас?

Тут я понял, что Мишка сейчас все испортит. И я решил ему помочь, чтобы натолкнуть его и чтобы он вспомнил. Я так ласковенько ему улыбнулся и говорю:

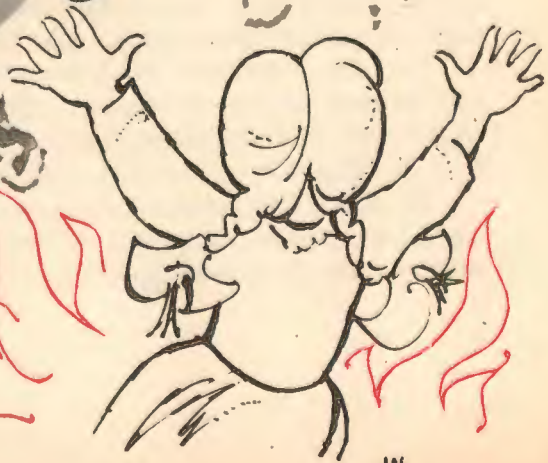
— Ничего не поделаешь, Мишка, брось притворяться! Я уже все рассказал!

И сам в это время делаю ему глаза со значением, что я уже все наврал и чтобы он не подвел! А этот дурачок смотрит на меня как баран на новые ворота. А я ему подмигиваю уже прямо двумя глазами и вдруг вижу — он вспомнил! И сразу догадался, что надо делать дальше!

Вот наш милый Мишенька глазки опустил, как самый скромный на свете маменькин сынок, и таким противным приличным голоском говорит:

— Ну, зачем ты это!.. Ерунда какая...

И даже покраснел, как настоящий артист. Ай да Мишка! Я прямо не ожидал от него такой прыти, а он сел за парту как ни в чем не бывало и давай раскладывать. И все

на него смотрели с уважением, и я тоже. И наверно, этим дело бы и кончилось. Но тут черт все-таки дернул Мишку за язык. Мишка огляделся вокруг и ни с того ни с сего сказал:

— А он вовсе и не тяжелый был. Кило десять-пятнадцать, не больше...

Раиса Ивановна говорит:

— Кто? Кто не тяжелый, кило десять-пятнадцать?

А Мишка:

— Да мальчишка этот.

— Какой мальчишка?

А Мишка:

— Да которого мы с Дениской из-подо льда вытащили...

— Ты что-то путаешь, — говорит Раиса Ивановна, — ведь это была девочка! И потом откуда же там лед?

А Мишка гнет свое:

— Как — откуда лед? Зима, вот и лед! Все Чистые пруды замерзли. А мы с Дениской идем, слышим кто-то из проруби кричит. Барахтается и пищит. Карабкается. Бултыкается и хватается руками. Ну, а лед что? Лед, конечно, обламывается! Ну, мы с Дениской подползли, этого мальчишку за руки, за ноги — и на берег. Ну тут дедушка его прибежал, давай слезы лить...

Я уже ничего не мог поделать. Мишка врал как по писаному, еще лучше меня, а в классе уже все догадались, что он врет и что я тоже врал, и после каждого Мишкиного слова все прямо покатывались, а я ему делал знаки, чтобы замолчал и перестал врать, потому что он не то врал, что нужно. Но куда там! Мишка никаких знаков не замечал и заливался соловьем:

— Ну, тут дедушка его говорит: «Сейчас я вам именные часы подарю за этого мальчишку». А мы говорим: «Не надо, мы скромные!»

Я не выдержал и крикнул:

— Только это был пожар! Мишка перепутал!

А он мне:

— Ты что, рехнулся, что ли? Какой может быть в проруби пожар? Это ты все позабыл.

А в классе все падают в обморок от хохота, просто помирают.

А Раиса Ивановна ка-ак хлопнет по столу! Все сразу замолчали.

А Мишка так и остался стоять с открытым ртом. Раиса Ивановна говорит:

— Как стыдно врать! Какой позор! И я-то их считала хорошими пионерами! Но нет! Теперь я уверена, что вас вызовут на совет отряда. А от себя я попрошу вас вызвать ко мне ваших родителей, я с ними побеседую! Продолжаем урок!

И все ребята сразу перестали на нас смотреть. И в классе было тихо и как-то скучно. И я написал Мишке записку:

«Вот видишь, надо было говорить правду!»

А он прислал ответ:

«Ну конечно! Или говорить правду, или лучше стовариваться».

ГДЕ ЭТО ВИДАНО, ГДЕ ЭТО СЛЫХАНО?

На переменке подбежала ко мне наша октябрятская вожатая Люся и говорит:
— Дениска, а ты сможешь выступить в концерте? Мы решили организовать двух малышей, чтобы они были сатирики. Хочешь?

Я говорю:

— Хочу! Только ты объясни, что такое сатирики?

Люся говорит:

— Видишь ли, у нас есть разные неполадки... Ну, например, двоечники или лентяи, их надо прохватить, понял? Надо про них выступить, чтобы все смеялись, это на них подействует отрезвляюще!

Я говорю:

— Они не пьяные, они просто ленятся.

Люся засмеялась:

— Это так говорится — отрезвляюще. А на самом деле просто эти ребята призадумаются, им станет неловко, и они исправятся. Понял? Ну, в общем, не тяни: хочешь — соглашайся, не хочешь — отказывайся!

Я сказал:

— Ладно уж, давай!

Тогда Люся спросила:

— А у тебя есть партнер?

Я сказал:

— Нету.

Люся удивилась:

— Как же ты без товарища живешь?

Я говорю:

— Товарищ у меня есть. Мишка. А партнера нету.

Люся снова улыбнулась:

— Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?

Я говорю:

— Нет, обыкновенный.

— Петь умеет?

Я говорю:

— Очень тихо. Но я научу его петь погромче, не беспокойся!

Тут Люся обрадовалась:

— После уроков притащи его в малый зал, там будет репетиция!

И я со всех ног пустился искать Мишку. Я нашел его в буфете. И рассказал, что мы будем сатирики, и он согласился.

Мы еле досидели до конца уроков, а потом побежали в малый зал на репетицию.

Там уже сидела наша октябрятская вожатая Люся, и с ней был один парнишка, приблизительно из четвертого класса.

Люся сказала:

— Вот и они! Познакомьтесь, это наш школьный поэт Андрей Шестаков.

Мы сказали:

— Здорово!

И отвернулись, чтобы он не задавался.

А поэт сказал Люсе:

— Это что, исполнители, что ли?

Она ответила:

— Да!

Он сказал:

— Неужели ничего не было покрупней?

Люся сказала:

— Как раз то, что требуется!

И тут пришел наш учитель пения Борис Сергеевич, он сразу подошел к роялю:

— Ну те-с, начинаем! Где стихи?

Андрюшка вынул из кармана какой-то листок и сказал:

— Вот. Я взял размер и припев у Маршака, из сказки об ослике, дедушке и внуке — «Где это видано, где это слыхано?» Вот послушайте:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год,
Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдает?

Мы с Мишкой так и прыснули. Ай да Андрюшка, здорово прохватил! А Андрюшка читает дальше так тихо и серьезно:

Мелом расчерчен асфальт на квадратики,
Манечка с Танечкой прыгают тут,
Где это видано, где это слыхано, —
В классы играют, а в класс не идут!

Опять здорово. Нам очень понравилось! Этот Андрюшка просто настоящий молодец!

Потом мы начали повторять эти стихи под музыку и повторили их, наверно, раз пятьдесят или тысячу, и я очень громко пел, и все меня успокаивали и делали замечания:

— Ты не волнуйся! Ты тише! Спокойней! Не надо так громко!

...И вот однажды, когда я пришел в школу, я увидел в раздевалке объявление:

«Внимание! Сегодня на большой перемене в малом зале состоится выступление летучего патруля «Пионерско-

го Сатирикона»! Исполняет дуэт малышей! На злобу дня! Приходите все!»

В зале было огорожено место около рояля, а вокруг столпились ребята из всех классов, и няни, и учительницы. Мы с Мишкой встали около рояля.

Мишка был белый как стена. А я ничего, только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак.

Борис Сергеевич заиграл. Начинать нужно было Мишке, потому что он пел первые две строчки, а я должен был петь вторые две строчки. Вот Борис Сергеевич заиграл, а Мишка выкинул в сторону левую руку, как его научила Люся, и хотел было запеть, но опоздал, и пока он собирался, наступила уже моя очередь, так выходило по музыке. Но я не стал петь, раз Мишка опоздал. С какой стати?

Мишка тогда опустил руку на место. А Борис Сергеевич громко и раздельно начал снова.

Он ударил, как и следовало, по клавишам три раза, а на четвертый Мишка опять откинул левую руку и наконец запел:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год,

Я сразу подхватил и прокричал:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдает?

Все, кто был в зале, засмеялись, и у меня от этого стало легче на душе. А Борис Сергеевич заиграл дальше. Он снова три раза ударил по клавишам, а на четвертом Мишка аккуратно выкинул левую руку в сторону и ни с того ни с сего запел сначала:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год,

Я сразу понял, что он сбился! Но раз такое дело, я решил допеть до конца, а там видно будет. Взял и допел:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдает?

Слава богу, в зале было тихо, все, видно, тоже поняли, что Мишка сбился, и подумали: «Ну что ж, бывает, пусть дальше поет!»

А музыка в это время бежала все дальше и дальше. Но Мишка был какой-то зеленоватый.

И когда музыка дошла до места, он снова вымахнул левую руку и, как пластинка, которую «заело», завел в третий раз:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год,

Мне ужасно захотелось треснуть его по затылку чем-нибудь тяжелым, и я заорал со страшной злостью:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа рррешает, а Вася сдает?

— Мишка, ты, видно, совсем рехнулся! Ты что в третий раз одно и то же затягиваешь? Давай про девчонок!

А Мишка так нахально:

— Без тебя знаю!

И вежливо говорит Борису Сергеевичу:

— Пожалуйста, Борис Сергеевич, дальше!

Борис Сергеевич заиграл, а Мишка вдруг осмелел, опять выставил свою левую руку и на четвертом ударе заголосил как ни в чем не бывало:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год,

Тут все в зале прямо завизжали от смеха, и я увидел в толпе, какое несчастное лицо у Андрюшки, и еще увидел, что Люся, вся красная и растрепанная, пробивается к нам сквозь толпу. Ну, а я, пока суд да дело, выкрикиваю:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдает?!

Тут уже началось что-то ужасное. Все хохотали как зарезанные, а Мишка из зеленого стал фиолетовый. Наша Люся схватила его за руку и утащила к себе. Она кричала:
— Дениска! Пой один! Не подводи! Музыка!

А я стоял у рояля и решил не подвести. Я почувствовал, что мне стало все все равно, и когда дошла музыка, я почему-то вдруг тоже выкинул в сторону левую руку и совершенно неожиданно завопил:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год!..

Я даже плохо помню, что было дальше. Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто падали от смеха: и няни, и учителя, все, все...

Я даже удивляюсь, что я не умер от этой проклятой песни, я, наверно, умер бы, если бы в это время не зазвонил звонок...

Не буду я больше сатириком!

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Несколько дней тому назад мы начали строить площадку для запуска космического корабля и вот до сих пор не кончили, а я сначала думал, что раз-два-три — и у нас сразу все будет готово. Но дело как-то не клеилось, а все потому, что мы не знали, какая она должна быть, эта площадка.

У нас не было плана.

Тогда я пошел домой. Взял листок бумажки и нарисовал на нем, что куда: где вход, где выход, где одеваться, где космонавта провожают и где кнопку нажимать. Это все получилось у меня очень здорово, особенно кнопка. А когда я нарисовал площадку, я заодно пририсовал к ней и ракету. И первую ступень, и вторую, и кабину космонавта, где он будет вести научные наблюдения, и отдельный закуток, где он будет обедать, и я даже придумал, где ему умыться, и изобрел для этого самовыдвигающиеся ведра, чтобы он в них собирал дождевую воду.

И когда я показал этот план Аленке, Мишке и Костику, им всем очень понравилось. Только ведра Мишка зачеркнул.

Он сказал:

— Они будут тормозить.

И Костик сказал:

— Конечно, конечно! Убери эти ведра.

И Аленка сказала :

— Ну их совсем!

И я тогда не стал с ними спорить, и мы прекратили всякие ненужные разговоры и принялись за работу. Мы достали тяжеленную трамбушку. Я и Мишка колотили её по земле. А позади нас шла Аленка и подравнивала за нами прямо сандаликами. Они у нее были новенькие, красные, а через пять минут стали серые. Перекрасились от пыли.

Мы чудесно утрамбовали площадку и работали дружно, и к нам еще один парень присоединился — Андрюшка, ему шесть лет; он хотя немножко рыжеватый, но довольнообразительный. А в самый разгар работы открылось окно на четвертом этаже и Аленкина мама крикнула :

— Аленка! Домой сейчас же! Завтракать!

И когда Аленка убежала, Костик сказал :

— Еще лучше, что ушла!

А Мишка сказал :

— Жалко. Все-таки рабочая сила...

Я сказал :

— Давайте приналяжем!

И мы приналегли, и очень скоро площадка была совершенно готова. Мишка ее осмотрел, засмеялся от удовольствия и говорит :

— Теперь главное дело — надо решить, кто будет космонавтом!

Андрюшка сейчас же откликнулся :

— Я буду космонавтом, потому что я самый маленький, меньше всех вешу!

А Костик :

— Это еще неизвестно: я болел, я знаешь как похудел? На три кило! Я космонавт!

Мы с Мишкой только переглянулись. Эти чертенята уже решили, что они будут космонавтами, а про нас как будто и забыли.

А ведь это я всю игру придумал. И ясное дело, я и буду космонавтом!

И только я успел так подумать, как Мишка вдруг заявляет:

— А кто всей работой тут сейчас командовал? А? Я командовал! Значит, я буду космонавтом!

Это все мне не понравилось. Я сказал:

— Давайте сначала ракету выстроим! А потом сделаем испытания на космонавта! А потом и запуск назначим.

Они сразу обрадовались, что еще много игры осталось, и Андрюшка сказал:

— Даешь ракету строить!

Костик сказал:

— Правильно!

А Мишка сказал:

— Ну что ж, я согласен!

Мы стали строить ракету прямо на нашей пусковой площадке. Там лежала здоровенная пузатая бочка, в ней раньше был мед, а теперь она валялась пустая. Она была деревянная и почти совершенно целая, и я сразу все сообразил и сказал:

— Вот это будет кабина. Здесь любой космонавт может поместиться, даже самый настоящий, не то что я или Мишка.

И мы эту бочку поставили на середку, и Костик сейчас же приволок с черного хода какой-то старый ничей самовар. Он его приделал к бочке, чтобы заливать туда горючее, — получилось очень складно. Мы с Мишкой сделали внутреннее устройство и два окошечка по бокам: это были иллюминаторы для наблюдения. Андрюшка притащил довольно здоровый ящик с крышкой и наполовину всунул его в бочку. Я сначала не понял, что это такое, и спросил Андрюшку:

— Это зачем?

А он сказал:

— Как — зачем? Это вторая ступень!

Мишка сказал:

— Молодец!

И у нас работа закипела вовсю. Мы достали разных красок и несколько кусочков жести, и гвоздей, и веревочек и протянули эти веревочки вдоль ракеты, и жестянки прибили к хвостовому оперению, и подкрасили длинные полосы по всему бочкиному боку, и много еще чего понаделали, всего не перескажешь. И когда мы увидели, что все у нас готово, Мишка вдруг отвернул краник у самовара, который был у нас баком для горючего. Мишка отвернул краник, но оттуда ничего не потекло! Мишка ужасно разгорячился, он потрогал пальцем снизу сухой краник, повернулся к Андрюшке, который считался у нас главным инженером, и заорал:

— Вы что? Что вы наделали?

Андрюшка сказал:

— А что?

Тогда Мишка вконец разозлился и еще хуже заорал:

— Молчать! Вы главный инженер или что?

Андрюшка сказал:

— Я главный инженер. А чего ты орешь?

А Мишка:

— Где же горючее в машине? Ведь в самоваре... то есть в баке нет ни капли горючего.

А Андрюшка:

— Ну и что?

Тогда Мишка ему:

— А вот как дам, тогда узнаешь — ну и что!

Тут я вмешался и крикнул:

— Наполнить бак! Механик! Быстро!

И я грозно посмотрел на Костика. Он сейчас же сообразил, что это он и есть механик, схватил ведро и побежал в котельную за водой. Он там набрал полведра горячей воды, прибежал обратно, влез на кирпич и стал заливать.

Он наливал воду в самовар и кричал:

— Есть горючее! Все в порядке!

А Мишка стоял под самоваром и ругал Андрюшку на чем свет стоит.

И тут на Мишку полилась вода. Она была не горячая, но ничего себе, довольно чувствительная, и когда она залилась Мишке за воротник и на голову, он здорово испугался и отскочил как ошпаренный. Самовар-то был, видать, дырявый. Он Мишку почти всего окатил, а главный инженер злорадно захохотал:

— Так тебе и надо!

У Мишки прямо засверкали глаза.

И я увидел, что Мишка сейчас даст этому нахальному инженеру по шее, поэтому я быстро встал между ними и сказал:

— Слушайте, ребя, а как же мы назовем наш корабль?

— «Торпедо», — сказал Костик.

— Или «Спартак», — перебил Андрюшка.

Мишка опять обиделся и сказал:

— Нет уж, тогда «ЦСКА»!

Я им сказал:

— Ведь это же не футбол! Вы еще нашу ракету «Пахтакор» назовите! Надо назвать «Восток-2»! Потому что у Гагарина просто «Восток» называется корабль, а у нас будет «Восток-2»! На, Мишка, краску, пиши!

Он сейчас же взял кисточку и принялся малевать, сопя носом. Он даже вывернул язык. Мы стали глядеть на него, но он сказал:

— Не мешайте! Не глядите под руку!

И мы от него отошли.

И я в это время взял градусник, который я утащил из ванной, и измерил Андрюшке температуру. У него оказалось 48 и 6. Я просто схватился за голову: я никогда не видел, чтобы у простого мальчика была такая высокая температура. Я сказал:

— Это просто ужас! У тебя, наверно, ревматизм или тиф. Температура 48 и 6! Отойди в сторону.

Он отошел, но тут вмешался Костик:

— Теперь осмотри меня! Я тоже хочу быть космонавтом!

Вот какое несчастье получается: все хотят! Прямо отбою от них нет! Всякая мелюзга, а туда же!

Я сказал Костику:

— Во-первых, ты после кори. И тебе никакая мама не разрешит быть космонавтом! А во-вторых, покажи язык!

Он моментально высунул кончик своего языка. Язык был розовый и мокрый, но его было мало видно. Я сказал:

— Что ты мне какой-то кончик показываешь? Давай весь вываливай!

Он сейчас же вывалил весь свой язык, так что чуть до воротника не достал. Неприятно было на это смотреть, и я ему сказал:

— Все, все, хватит! Довольно! Можешь убирать свой язык. Чересчур он у тебя длинный, вот что. Просто ужасно длиннющий. Я даже удивляюсь, как он у тебя во рту укладывается.

Костик совершенно растерялся, но потом все-таки опомнился, захлопал глазами и говорит:

— Ты не трещи! Ты прямо скажи: гожусь я в космонавты?

Тогда я сказал:

— С таким-то языком? Конечно нет! Ты что, не понимаешь, что, если у космонавта длинный язык, он уже никуда не годится? Он ведь всем на свете разболтает все секреты, где какая звезда вертится и все такое. Нет, ты, Костик, лучше успокойся! С твоим язычищем лучше на земле сидеть.

Тут Костик ни с того ни с сего покраснел как помидор. Он отступил от меня на шаг, сжал кулаки, и я понял, что сейчас у нас с ним начнется самая настоящая драка. Поэтому я тоже быстро поплевал в кулаки и выставил ногу вперед, чтобы была настоящая боксерская поза, как на фотографии у чемпиона Геннадия Шаткова.

Костик сказал:

— Сейчас дам плюху!

А я сказал:

— Сам схватишь две!

Он сказал:

— Будешь валяться на земле!

А я ему:

— Считай, что ты уже умер!

Тогда он подумал и сказал:

— Неохота что-то связываться!

А я:

— Ну и замолкни!

И тут Мишка закричал нам от ракеты:

— Эй, Костик, Дениска, Андрюшка! Идите надпись посмотреть!

Мы побежали к Мишке и стали глядеть. Ничего себе была надпись, только кривая и завивалась книзу. Андрюшка сказал:

— Во здорово!

И Костик сказал:

— Блеск!

А я ничего не сказал. Потому что там было написано так:

«ВАСТОК-2».

Я не стал этим Мишку допекать, а подошел и исправил обе ошибки, я написал: «ВОСТОГ-2»!

И все. Мишка покраснел и промолчал. Потом он подошел ко мне, взял под козырек.

— Когда назначаете запуск? — спросил Мишка.

Я сказал:

— Через час!

Мишка сказал:

— Ноль-ноль?

И я ответил:

— Ноль-ноль!

* * *

Прежде всего нам нужно было достать взрывчатку. Это было нелегкое дело, но кое-что все-таки набралось. Во-первых, Андрюшка притащил десять штук елочных бенгальских огней. Потом Мишка тоже принес какой-то пакетик, я забыл, как называется, вроде борной кислоты. Мишка сказал, что эта кислота очень красиво горит. А я приволок две шутихи, они у меня еще с прошлого года в ящичке валялись. И мы взяли трубу от нашего самовара-бака, заткнули с одного конца тряпкой и затолкали туда всю нашу взрывчатку и утрясли ее как следует. А потом Костик принес какой-то поясok от маминого халата, и мы сделали из него бикфордов шнур. Всю нашу трубу мы уложили во вторую ступеньку ракеты и привязали ее веревками, а шнур вытащили наружу, и он лежал за нашей ракеткой на земле, как хвост от змея.

И теперь все было у нас готово.

— Теперь, — сказал Мишка, — пришла пора решать, кто полетит! Ты или я, потому что Андрюшка и Костик пока еще не подходят.

— Да, — сказал я, — они не подходят по состоянию здоровья.

Как только я это сказал, так из Андрюшки сейчас же закапали слезы, а Костик отвернулся и стал колупать стену, потому что из него тоже, наверно, закапало, но он стеснялся, что вот ему уже скоро семь, а он плачет. Тогда я сказал:

— Костик назначается у нас Главным Запускателем! Мишка добавил:

— А Андрюшка назначается Главным Зажигателем!

Тут они оба повернулись к нам, и лица у них стали гораздо веселее, и никаких слез не стало видно, просто удивительно!

Тогда я сказал:

— Мишка, а мы давай считаться на космонавта.

Мишка сказал:

— Только, чур, я считаю!

И мы стали считаться:

— Заяц-белый-куда-бегал-в-лес-дубовый-чего-делал-лыки-драл-куда-клял-под-колоду-кто-украл-Спири - дон - Мордель-он-тинтиль-вин-тиль-выйди-вон!

Мишке вышло выйти вон. Он, конечно, постарше и Костика и Андрюшки, но глаза у него стали такие печальные, что не ему лететь, просто ужас.

Я сказал:

— Мишка, ты в следующий полет полетишь безо всякой считалки, ладно?

А он сказал:

— Давай садись!

Что ж, ничего не поделаешь, мне ведь по-честному досталось. Мы с ним считались, и он сам считал, а мне выпало, тут уж ничего не поделаешь, и я сразу полез в бочку. Там было темно и тесно, особенно мне мешала вторая ступень. Из-за нее нельзя было спокойно лежать, она впивалась в бок. Я хотел повернуться и лечь на живот, но тут же треснулся головой о бак, он впереди торчал. Я подумал, что, конечно, космонавту трудно сидеть в кабине, потому что аппаратуры очень много, даже чересчур! Но все-таки я приспособился и свернулся в три погибели, и лег, и стал ждать запуска.

И вот слышу — Мишка кричит:

— Подготовьсь! Смирна-а! Запускатель, не ковырай в носу! Иди к моторам!

И сразу Костикин голос:

— Есть к моторам!

И я понял, что скоро запуск, и стал лежать дальше. И вот слышу — Мишка опять командует:

— Главный Зажигатель! Готовьсь! Зажж!..

И я сразу услышал, как Андрюшка завозился со своим спичечным коробком и, кажется, не может от волнения достать спичку, а Мишка, конечно, растягивает команду, чтобы все вместе совпало — и Андрюшкина спичка и его команда. Вот он и тянет:

— Зажж...

И я подумал: ну, сейчас! И даже заколотилось! А Андрюшка все еще брякает спичками. Мне ясно представилось, как у него руки трясутся и он не может ухватить спичку!

А Мишка свое:

— Зажж!.. Давай же, вахля несчастная! Зажжж...

И вдруг я ясно услышал:

— Чирк!

И Мишкин радостный голос:

— ...Жжи-гай! Зажигай!

Я глаза зажмурил, съежился и приготовился лететь. Вот было бы здорово, если б это вправду, все бы с ума посходили, и я еще сильнее зажмурил глаза. Но ничего не было: ни взрыва, ни толчка, ни огня, ни дыму — ничего. И это наконец мне надоело, и я заорал из бочки:

— Скоро там, что ли? У меня весь бок отлежался — ноет!

И тут ко мне в ракету залез Мишка. Он сказал:

— Заело. Бикфордов шнур отказал.

Я чуть ногой не лягнул его от злости.

— Эх, вы, инженеры называются! Простую ракету запустить не можете! А ну, давайте я!

И я вылез из ракеты. Андрюшка и Костик возились с бикфордовым шнуром, и у них ничего не выходило. Я сказал:

— Товарищ Мишка! Снимите с работы этих дураков! Я сам!

И подошел к самоварной трубе и первым делом начисто оторвал ихний мамин бикфордов поясок. Я им крикнул:

— А ну, разойдись! Живо!

И они все разбежались, кто куда. А я запустил руку в трубу и снова там все перемешал и бенгальские огоньки уложил сверху. Потом я зажег спичку и сунул ее в трубу. Я закричал:

— Держись!

И отбежал в сторону. Я и не думал, что будет что-нибудь особенное, ведь там, в трубе, ничего такого не было, я хотел сейчас во весь голос крикнуть: «Бух-таррарах!» Как будто это взрыв, чтобы играть дальше, и я уже набрал воздуху и хотел крикнуть погромче, но в это время в трубе что-то ка-ак свистнет да ка-ак ддаст! И труба отлетела от второй ступени и стала подлетать и падать, и дым! А потом как бабахнет! Ого! Это, наверно, шутихи там сработали, не знаю, или Мишкин порошок! Бах! Бах! Бах! Я, наверно, от этого баханья немножко струсил, потому что я увидел перед собою дверь и решил в нее убежать, и открыл и вошел в эту дверь, но это оказалась не дверь, а окно, и я прямо как вбежал в него, так оступись и упал прямо в наше домоуправление. Там за столом сидела Зинаида Ивановна, она на машинке считала, кому сколько за квартиру платить. А когда она меня увидела, она, наверно, не сразу меня узнала, потому что я запачканный был, прямо из грязной бочки, лохматый и даже кое-где порванный. Она просто обомлела, когда я упал к ней из окна, и она стала обеими руками от меня отмахиваться. Она кричала:

— Что это? Кто это?

И наверно, я здорово смахивал на черта или на какое-нибудь подземное чудовище, потому что она совсем потеряла рассудок и стала кричать на меня так, как будто я был имя существительное среднего рода:

— Пошло вон! Пошло вон отсюда! Вон пошло!

А я встал на ноги, прижал руки по швам и вежливо ей сказал:

— Здравствуйте, Зинаида Иванна! Не волнуйтесь, это я!

И стал потихоньку пробираться к выходу. А Зинаида Ивановна кричала мне вдогонку:

— А! Это Денис! Хорошо же! Погоди! Ты у меня узнаешь! Все расскажу Алексею Акимычу!

И у меня от этих криков очень испортилось настроение.

Потому что Алексей Акимыч — наш управдом. И он меня к маме отведет и папе нажалуется, и будет мне плохо. И я подумал, как хорошо, что его не было в домоуправлении, и что мне, пожалуй, все-таки денька два-три надо не попадаться ему на глаза, пока все уладится. И тут у меня опять стало хорошее настроение, и я бодро-весело вышел из домоуправления. И как только я очутился во дворе, я сразу увидел целую толпу наших ребят. Они бежали и галдели, а впереди них довольно резво бежал Алексей Акимыч. Я страшно испугался. Я подумал, что он увидел нашу ракету, как она лежит взорванная, и может быть, проклятая труба побила окна или еще что-нибудь, и вот он теперь бежит разыскивать виноватого, и ему кто-нибудь сказал, что это я главный виноватый, и вот он меня увидел, я прямо торчал перед ним, и сейчас он меня схватит! Я это все подумал в одну секунду, и пока я все это додумывал, я уже бежал от Алексея Акимыча во всю мочь, но через плечо увидел, что он припустился за мной со всех ног, и я тогда побежал мимо садика и направо и бежал вокруг грибка, но Алексей Акимыч кинулся ко мне наперерез и прямо в брюках прошлепал через фонтан, и у меня сердце упало в пятки, и тут он меня ухватил за рубашку. И я подумал: все, концы. А он перехватил меня двумя руками под мышки и как подкинет вверх! А я терпеть не могу, когда меня за подмышки поднимают, мне от этого щекотно, и я корчусь, как не знаю кто, и вырываюсь! И вот гляжу на него сверху и корчусь, а он смотрит на меня и вдруг заявляет ни с того ни с сего:

— Кричи «ура»! Ну! Кричи сейчас же «ура»!

И тут я еще больше испугался, я подумал, что он с ума сошел! И что, пожалуй, не надо с ним спорить, раз он сумасшедший. И я крикнул не слишком-то громко:

— Ура! А в чем дело-то?

И тут Алексей Акимыч поставил меня наземь и говорит:

— А в том дело, что сегодня второго космонавта за-

пустили! Товарища Германа Титова! Ну что, не ура, что ли?

Тут я как закричу:

— Конечно, ура! Еще какое ура-то!

Я так крикнул, что голуби вверх шарахнулись. И Алексей Акимыч улыбнулся и пошел в свое домоуправление!

А мы всей толпой побежали к громкоговорителю и целый час слушали, что передавали про товарища Германа Титова, и про его полет, и как он ест, и все, все, все. А когда в радио наступил перерыв, я сказал:

— А где же Мишка?

И вдруг слышу:

— Я вот он!

И правда, оказывается, он рядом стоит. Я в такой горячке был, что его и не заметил! Я сказал:

— Ты где был?

А он:

— Я тут. Я все время тут.

Я спросил:

— А как наша ракета? Взорвалась небось на тысячу кусков?

А Мишка:

— Что ты! Целехонька! Это только труба так тарахтела. А ракета, что ей делается? Стоит как ни в чем не бывало!

Я сказал:

— Бежим посмотрим?

И когда мы прибежали, я увидел, что все в порядке, все цело и можно играть еще сколько угодно. Я сказал:

— Мишка, а теперь два, значит, космонавта?

Он сказал:

— Ну да, Гагарин и Титов.

А я сказал:

— Они, наверное, друзья?!

— Конечно, — сказал Мишка, — еще какие друзья!

Тогда я положил Мишке руку на плечо. У него узкое было плечо и тонкое. И мы с ним постояли смирно и помолчали, а потом я сказал:

— И мы с тобой друзья, Мишка. И мы с тобой вместе полетим в следующий полет.

И тогда я подошел к ракете, и нашел красочку, и дал ее Мишке, чтобы он подержал. И он стоял рядом, и держал краску, и смотрел, как я рисую, и сопел, как будто мы вместе рисовали, и я увидел еще одну ошибку и тоже исправил, и когда я закончил, мы отошли с ним на два шага назад и посмотрели, как красиво было написано на нашем чудесном корабле — «ВОСТОК-3».

ПОХИТИТЕЛЬ СОБАК

Еще вот какая была история. Когда я жил у дяди Володи на даче, недалеко от нас жил Борис Климентьевич, худой такой дядька, веселый, с палкой в руке и высокий, как забор.

У него была собачка, под заглавием Чапка. Очень хорошая собачушка, черная, мохнатая, морда кирпичом, хвостик торчком. И я с ней очень подружился.

Вот один раз Борис Климентьевич задумал идти купаться, а Чапку не захотел с собой брать. Потому что она уже один раз ходила с ним на пляж, из этого вышла скандальная история. В тот раз Чапка полезла в воду, а в воде плавала одна нервная тетенька. Она плавала на автомобильной камере, чтоб не утонуть. И она сразу закричала на Чапку:

— Пошла вон! Вот еще не хватало собачью заразу напускать! И стала брызгать на Чапку:

— Вон пошла, вон!

Чапке это не понравилось, и она прямо на плаву хотела эту тетку цапнуть, но до нее не достала, а камеру все-таки ухватила своими остренькими зубками. Один только разик куснула, и камера зашипела и выдохлась. А нервная тетка стала думать, что она тонет. И она завизжала:

— Тону, спасите!

Весь пляж страшно перепугался. И Борис Климентьевич кинулся ее спасать. Там, где эта тетка барахталась, ему река была по колено, а тетке по плечи. Он ее спас, а Чапку постегал прутиком. Для виду, конечно. И с тех пор он перестал ее брать на реку.

И вот теперь он попросил меня погулять во дворе с Чапкой, чтобы она не увязалась за ним. И я вошел во двор, и мы стали с Чапкой носиться и кувыркаться, прыгать и колбаситься, подскакивать, вертеться и лаять, визжать, и смеяться, и валяться. А Борис Климентьевич спокойно ушел. И мы с Чапкой вдоволь набаловались, а в это время мимо забора шел Ванька Дыхов с удочкой.

Он говорит:

— Дениска, рыбу ловить!

Я говорю:

— Не могу, я Чапку стерегу!

Он говорит:

— Посади ее в дом. Захвати свой бредень и догоняй.

И пошел дальше. А я взял Чапку за ошейник и тихонечко поволок по траве. Она легла, лапки кверху и поехала, как на салазках. Я открыл дверь, втащил ее в коридор, дверь прикрыл и пошел за бреднем. Когда я опять вышел на дорогу, Ваньки уже не было. Он скрылся за углом. Я полетел его догонять и вдруг возле продовольственной палатки вижу на самой середине дороги сидит моя Чапка, язык высунула и смотрит на меня как ни в чем не бывало...

Вот так да! Это значит — я дверь плохо прикрыл или она еще как-то исхитрилась и, наверное, пробежала дворами, а теперь сидит — встречает! Умна! Но ведь мне надо спешить. Там Ванька уже, наверное, рыбу таскает, а я тут с ней возись. Главное, я бы взял ее с собой, но Борис Климентьевич может вернуться, и если он ее не застанет дома, он разволнуется, бросится искать, и потом меня будут ругать... Нет, так дело не пойдет! Придется ее обратно волочь.

Я схватил ее за ошейник и потащил домой. На этот раз Чапка упиралась в землю всеми четырьмя лапами. Она волоклась за мной на своем животе, как лягушка. Я ее еле доволок до дверей. Открыл узенькую щелку, впихнул и дверь захлопнул крепко-накрепко. Она там зарычала и залаяла, но я не стал ее утешать. Я обошел весь дом, позакрыв все окна и калитку тоже. И хотя я очень устал от возни с Чапкой, я все-таки припустился бежать к реке. Я довольно быстро бежал, и когда я уже поравнялся с трансформаторной будкой, из-за нее выскочила... опять Чапка! Я даже оторопел. Я просто не верил своим глазам. Я подумал, что она мне снится. Но тут Чапка стала делать вид, что вот она меня сейчас укусит за то, что я ее оставил дома. Рычит и лает на меня! Чертова собака! Ну, погоди же, я тебе покажу! И я стал хватать ее за ошейник, но она не давалась, она увертывалась, хрипела, отступала, отскакивала и все время лаяла. Тогда я стал ее приманивать:

— Чапочка, Чапочка, тю-тю-тю, лохмушенька, на-на-на!

Но она продолжала издеваться и не давала себя поймать. Главное, мне мешал мой бредень, у меня была не та ловкость. И мы так долго скакали вокруг будки. И вдруг я вспомнил, что недавно видел в телевизоре картину «Тропою джунглей». Там показано, как в Китае охотники ловят обезьян сетями. Я сразу сообразил, взял свой бредень, как сачок, и хлоп! Накрыл Чапку, как обезьяну. Она прямо взвыла от злости, но я быстро закутал ее как следует, перекинул бредень через плечо и, как настоящий охотник, потащил ее домой через весь поселок. Чапка висела у меня за спиной в сетке, как в гамаке, и только изредка подвывала. Но я уже не обращал на нее никакого внимания, а просто взял ее и вытряхнул в окошко и припер его снаружи палкой. Она сразу там залаяла и зарычала на разные голоса, а я уже в третий раз побежал за Ванькой. Это я так рассказываю быстро, а на самом деле времени прошло

очень много. И вот у самой реки я встретил Ваньку. Он шел веселый, а в руке у него была травинка, а на травинке наизаны две уклейки, большие, с чайную ложку каждая.

Я говорю:

— Ого! А у тебя, я вижу, здорово клевало!

Ванька говорит:

— Да, просто не успевал вытаскивать. Давай отнесем эту рыбу моей маме на уху, а после обеда снова пойдем. Может, и ты что-нибудь поймаешь.

И так за разговором мы незаметно дошли до дома Бориса Климентьевича. А около его дома стояла небольшая толпа. Там был дядька в полосатых штанах, с животом, как подушка, и еще там была гражданка тоже в штанах и с голой спиной. Был еще мальчишка в очках и еще кто-то. Они все размахивали руками и что-то кричали. А потом мальчишка в очках увидел меня да как закричит:

— Вот он, вот он сам, собственной персоной!

Тут все обернулись на нас, и дядька-подушка завопил:

— Который?! С рыбой или маленький?!

Мальчишка с очками кричит:

— Маленький! Хватайте его! Это он!

И они все кинулись ко мне. Я немножко испугался и быстро отбежал от них, бросил бредень и влез на забор. Это был высокий забор: меня нипочем снизу не достать. Гражданка с голой спиной подбежала к забору и стала кричать нечеловеческим голосом:

— Отдай сейчас же Бобку! Куда ты его девал, негодник?

А дядька уткнулся животом в забор, кулаком стучит:

— А где моя Люська? Ты куда ее увел? Признавайся!

Я говорю:

— Отойдите от забора. Я никакого Бобку не знаю и Люську тоже. Я даже с ними не знаком! Ванька, скажи им!

Ванька говорит:

— Что вы напали на ребенка? Я вот сейчас как сбегую за мамой, тогда узнаете!

Я кричу:

— Ты беги поскорее, Ванька, а то они меня растерзают!

Ванька кричит:

— Держись, не слезай с забора!

И побежал.

А дядька говорит:

— Это соучастник, не иначе. Их тут целая шайка! Эй, ты, на заборе, отвечай сейчас же: где Люся?

Я говорю:

— Следите сами за своей доченькой!

А он:

— Ах, ты еще острить? Слезай сию минуту, и пойдем в прокуратуру.

Я говорю:

— Ни за что не слезу!

Тогда мальчишка в очках говорит:

— Сейчас я его достану!

И давай карабкаться на забор. Но не умеет. Потому что не знает, где гвоздь, где что, чтобы уцепиться. А у меня этот забор сто раз лазанный. Да еще я этого мальчишку пятой отпихиваю. И он, слава богу, срывается.

— Стой, Павля, — говорит дядька-подушка, — давай я тебя подсажу!

И этот Павля стал карабкаться на этого дядьку. И я опять испугался, потому что Павля был здоровый парень, наверное учился уже в третьем или в четвертом классе. И я подумал, что мне пришел конец, но тут я вижу, бежит Борис Климентьевич, а из переулка Ванькина мама и Ванька. Они кричат:

— Стойте! В чем дело?

А дядька орет:

— Ни в чем не дело! Просто этот мальчишка ворует собаку! Он у меня собаку украл, Люсю.

И гражданка в штанах добавляет:

— И у меня украл. Бобку!

Ванькина мама говорит:

— Ни за что не поверю, хоть режьте.

А мальчишка в очках вмешивается:

— Я сам видел. Он нес нашу собаку в сетке, за плечами! Я сидел на чердаке и видел!!

Я говорю:

— Не стыдно врать? Я Чапку нес. Она из дому удрала!

Борис Климентьевич говорит:

— Это довольно положительный мальчик. С чего бы ему вдруг вступить на стезю преступления и начать воровать собак? Пойдемте в дом, разберемся! Иди, Денис, сюда!

Он подошел к забору, и я прямо перешел к нему на плечи. Потому что он был очень высокий, я уже говорил.

Тут все пошли во двор. Дядька фыркал, гражданка в штанах ломала пальцы, очкастый Павля шел за ними, а я катился на Борисе Климентьевиче. Мы взошли на крыльцо. Борис Климентьевич открыл дверь, и вдруг оттуда выскочили три собаки! Три Чапки! Совершенно одинаковые! Я подумал, что это у меня в глазах трюится.

Дядька кричит:

— Люсичка!

И одна Чапка кинулась и вскочила ему прямо на живот!

А гражданка в брюках и Павля вопят:

— Бобик! Бобка!

И рвут второго Чапку пополам: она за передние ноги тянет к себе, а он за задние — к себе! И только третья собака стоит возле нас и вертикалом хвостит. То есть хвостиком вертит.

Борис Климентьевич говорит:

— Вот ты с какой стороны раскрылся! Я этого не ожидал. Ты зачем напихал полный дом чужих собак?

Я сказал:

— Я думал, они Чапки! Ведь как похожи! Одно лицо. Прямо вылитые собачьи близнецы.

И я все рассказал по порядку. Тут все стали хохотать, а когда успокоились, Борис Климентьевич сказал:

— Конечно, не удивительно, что ты обознался. Скоптерьеры очень похожи друг на друга, настолько, что трудно бывает различить. Вот и сегодня, по совести говоря, не мы, люди, узнали своих собак, а собаки узнали нас. Так что ты ни в чем не виноват. Но все равно знай, что с этих пор я буду называть тебя «Похититель собак»!

...И правда, он так меня называет...

○

ДЕСЯТЬ МЕТРОВ НАД ВОДОЙ

С самого начала этого лета мы все трое, Мишка, Костик и я, очень пристрастились к водной станции «Динамо» и стали ходить туда почти что каждый день. Мы раньше не умели плавать, а потом постепенно научились, кто где: кто в деревне, кто в пионерских лагерях, а я, например, два месяца посещал наш плавательный бассейн «Москва». И когда мы все научились плавать, мы очень быстро поняли, что нигде не получишь такого удовольствия от купания, как на водной станции. Даю слово.

Ох, хорошо лежать ясным утречком на водной станции на сыроватых и теплых ее деревянных дорожках, вдыхать всеми ноздрями свежий и тревожный запах реки и слышать, как на высоких мачтах и тонких рейках трещат под ветром разноцветные шелковые флажки и вода хлюпает и полощется где-то прямо под тобой в дощатых щелях; хорошо так лежать, и молчать, и загорать, раскинув руки, и смотреть из-под локтя, как недалеко от станции, чуть-чуть повыше по течению, рабочие-каменщики чинят набережную и бьют по розовому камню молотками, и звук долетает до тебя немножко позже удара, такой тонкий и нежный, как будто кто-то играет стеклянными молоточками на серебряном ксилофоне. И особенно хорошо, когда накалишься как следует, бухнуться в воду, и наплаваться вдосталь, и напрыгаться с метровой тумбочки, и наныряться досыта,

доотвала. А потом, когда устанешь, хорошо пойти к своим ребятам, пойти по горячим досточкам, втянув живот до позвоночника, и выпятив грудь колесом, и распирая бедра, и напружинив руки, а ноги ставя непременно носками внутрь, потому что это красиво, и на водной станции иначе не пойдешь, здесь так ходят все. Здесь тебе не самодельный пляжик с грязноватым песком и бумажками, здесь тебе не какой-нибудь травянистый тинистый бережок, — это там можно чапать как угодно, — а здесь водная станция, здесь порядок, чистота, ловкость, спорт, шик-блеск, и поэтому все здесь ходят по-чемпионски, на «отлично», фасонно ходят — иногда даже ходят гораздо лучше, чем плавают.

И вот поэтому мы все, Мишка, Костик и я, мы дня не пропускали и все лето ходили сюда купаться, и загорали как черти, и здорово поднаучились плавать, и у нас появились мускулы, бицепсы и трицепсы, и мы на нашей станции облазили все углы и знали, где медпункт, где игры и все такое, и в конце концов все здесь стало для нас вроде бы как родное и обыкновенное. Мы привыкли.

И однажды мы лежали, как всегда, на досточках и загорали, и Костик вдруг сказал ни с того ни с сего:

— Дениска! А ты мог бы прыгнуть с самой верхней вышки в воду?

Я посмотрел на вышку и увидел, что она не слишком-то уж высокая, ничего страшного, не выше второго этажа, ничего особенного.

Поэтому я сейчас же ответил Костику:

— Конечно, смог бы! Ерунда какая.

Мишка тотчас же сказал:

— А вот слабó!

Я сказал:

— Дурачок ты, Мишка, вот ты кто!

Костик сказал:

— Же десять же метров!

— Ну и что? — сказал я.

— Слабо! — отрезал Костик.

И Мишка, конечно, его поддержал.

— Слабо, факт, слабо! — и добавил: — Слабо-би-бо!!!

Я сказал:

— Дурачки вы оба! Вот вы кто!

И тут я встал, растопырил ребра, выкатил грудь, напряжинил руки и пошел к вышке. А когда шел, все время ставил носки внутрь.

Сзади Костик крикнул:

— Сла-би-бу-бе-бо!

Но я не стал ему отвечать. Я уже всходил на вышку.

Все это время, что мы ходили на водную станцию, я каждый день видел, как с этой вышки прыгали в воду взрослые дядьки. Я видел, как они красиво выгибали спину, когда прыгали «ласточкой», видел, как они перекувыркивались через голову по полтора раза, или переворачивались через бок, или складывались в воздухе пополам и падали в воду аккуратно и точно, почти совсем не подымая брызг, а когда выныривали, то выходили на доски, напряжинив руки и выпятив грудь...

И это было очень красиво и легко, и я всю жизнь был уверен, что прыгаю не хуже этих дядек, но сейчас, когда лез, я решил для первого раза никаких фигур в воздухе не выстраивать, а просто прыгнуть прямо, вытянувшись в струнку, «солдатиком», это легче легкого! Я так просто, без затей прыгну только для начала, а уж потом, в следующие разы, я специально для Мишки такие буду выписывать кренделя, что Мишка только рот разинет. Пусть они с Костиком лучше молчат в тряпочку и кричат мне вдогонку свое дурацкое — сла-би-бо!!!

И пока я так думал, у меня было веселое настроение, и я быстро бежал по маленьким лесенкам вверх и вверх и даже не заметил, с какой быстротой я оказался на самой высшей площадке, на высоте десяти метров над уровнем станции.

И тут я вдруг увидел, что эта площадка очень малень-

кая, а перед нею, и по бокам, и далеко вокруг, стоит какой-то раздвинутый, огромный и прекрасный город, он стоит весь в каком-то легком тумане, а тут, на площадке, шумит ветер, шумит не шутя, как буря, того и гляди сдует тебя с этой вышки. И совсем не слышно, как рабочие дробят камень, ветер заглушает их стеклянные молотки. И когда я глянул вниз, я увидел наш водный бассейн, он был голубой, но такой маленький, прямо величиной с папиросную коробку, и я подумал, что, если прыгну, вряд ли попаду в него, тут очень просто промахнуться, а тем более ветер не меньше шести баллов, он того и гляди снесет меня куда-нибудь в сторону, в реку, или я бухнусь прямо в буфет кому-нибудь на голову, вот будет история! Или я, чего доброго, угожу прямо в кухню, в котел с борщом! Тоже удовольствие маленькое. От этих мыслей у меня что-то зачесалось внутри коленок, и мне больше всего захотелось еще хоть раз услышать, как рабочие чинят набережную, и увидеть Костика и Мишку рядом с собой, все-таки они мои друзья...

И я потихоньку сделал несколько шагов назад, ухватился за перила и стал спускаться вниз, а когда спустился, настроение у меня опять было хорошее, и на сердце стало легко-легко, как будто гора с плеч свалилась. И я очень обрадовался, когда увидел Мишку с Костиком, и побежал к ним, а когда подбежал, — остановился как вкопанный!.. Эти дураки хохотали во все горло и показывали на меня пальцем! Они изображали, что сейчас лопнут от смеха. Они вопили:

- Он спрыгнул!
- Ха-ха-ха!
- Он сиганул!
- Хо-хо-хо!
- Ласточкой!
- Хе-хе-хе!
- Солдатиком!
- Хи-хи-хи!
- Храбрец!

— Молодец!

— Хвастец!

Я сел рядом с ними и сказал:

— Дурачки вы, и больше ничего! Неужели вы думаете, что я струсил?

Тут они прямо завизжали:

— Нет! Ха-ха-ха!

— Не думаем! Хо-хо-хо!

— Ты не струсил!

— Ты просто забоялся!

— Сейчас мы напишем про тебя в газету!

— Чтоб тебе медаль дали!

— За красивое спускание по лестнице!

Во мне прямо все бурлило от злости! Какие все-таки наглые типы, этот худющий Костыль и особенно Миха с его противным голосом! Они, видно, серьезно воображают, что я струсил! Какая глупость! Олухи царя небесного!

Но я не стал ругаться и оскорблять их, как они меня. Ведь я-то знал, что мне ничего не стоит прыгнуть с этой жалкой вышки! Поэтому я сказал им спокойно и вежливо:

— Наплевать на вас!

И стремглав кинулся к вышке, и в пять секунд снова взбежал на самый верх! В это время солнце спряталось за тучу. Здесь было холодно и мрачно, ветер выл, и вышка немножко скрипела и покачивалась. Но я не стал задерживаться, я подошел к самому краю, сложил руки по швам, зажмурился, чуть-чуть согнул коленки, перед тем как прыгнуть, и... вдруг совершенно неожиданно я вспомнил про маму. И про папу тоже. И про бабушку. Я вспомнил, что сегодня утром, когда я убежал на «Динамо», я не попрощался с ними и что теперь очень может быть, что я убьюсь насмерть, и я подумал, какое это будет для них несчастье. Просто горе будет. Ведь им совершенно некого будет в жизни приласкать. Я представил себе, как мама всегда будет смотреть на мою карточку и плакать, ведь я у нее единственный, и у папы тоже. И у них в душе будет вечный

траур, и они не будут ходить в гости и в кино — разве это жизнь? И кто же будет о них заботиться, когда они состарятся? Да и мне тоже без них будет плохо, я ведь тоже их люблю! Хотя мне-то уже плохо не будет, меня в живых не будет, я буду уже мертвый, и не увижу больше неба, и не услышу, как рабочие нежно дробят камень на набережной!..

И все это из-за этих негодных Костыля и Михи?

Я ужасно возмутился и весь вскипел, что из-за таких дураков столько народу пострадает, и я подумал, что гораздо лучше будет, если я пойду и насыю им по шее, и чем скорее, тем лучше.

И я опять спустился вниз.

Костик, когда увидел меня, встал на четвереньки и уткнулся головой в пол. И так, на голове, он побежал по кругу, как какой-нибудь жук. А Мишка был совершенно синий и булькал, у него была смеховая истерика.

Возле них сидела небольшая толпичка, разные девушки и парни. Они тоже смеялись. Видно, Костик с Мишкой рассказали им это дело. Они очень весело смеялись, незнакомые эти люди, а мои друзья смеялись с ними заодно, они все вместе дружно надо мной смеялись...

И тут я почувствовал, что все, что было до сих пор, это была чепуха! Просто я до сих пор не понимал, в чем тут суть! А сейчас, кажется, понял. И я повернулся и пошел обратно на вышку. В третий раз! Они там сзади кукарекали мне вслед, блеяли и улюлюкали. Но я долез доверху и подошел к самому краю. Коленки у меня дрожали. Но я схватил их руками и сжал и сказал себе тихонько, а когда говорил, слышал, как дрожит мой голос и клацкают зубы.

Я бормотал:

— Ррохля!.. Вахля!! Махля!! Прыгай сейчас же! Ну! А то я разговаривать с тобой не буду! Руки тебе не подам! Ну! Прыгай же! Шухля! Опухля! Ну! Прыгай сейчас же! Тухля! Протухля! Вонюхля!

И когда я обозвал себя вонюхлей, я не выдержал оби-

ды и шагнул вперед. Сердце и желудок у меня сразу подка-
тились к горлу. И я когда летел, не успел ничего подумать,
просто я знал, что я прыгнул. Я прыгнул! Я прыгнул! Пры-
гнул все-таки!!!

А когда я вынырнул, Мишка и Костик протянули мне
руки и вытащили на доски. Мы легли рядом. Мишка и Ко-
стик молчали.

А я лежал и слушал, как рабочие бьют молотками по
розовому камню. Звук долетал сюда слабо, нежно и робко,
как будто кто-то играл стеклянным молоточком на сереб-
ряном ксилофоне.

И МЫ!..

Мы как только узнали, что наши небывалые герои в космосе называют друг друга Сокол и Беркут, так сразу решили, что я теперь тоже буду Беркут, а Мишка — Сокол. Потому что все равно мы будем учиться на космонавтов, а Сокол и Беркут — такие красивые имена. И еще мы решили с Мишкой, что, до тех пор пока нас не примут в космонавтскую школу, мы будем с ним понемножку закаляться как сталь. И как только мы это решили, я пошел домой и стал закаляться. Я залез под душ и пустил сначала тепленькой водички, а потом, наоборот, поддал холодной. И я ее довольно легко перетерпел. Тогда я подумал, что раз дело идет так хорошо, надо, пожалуй, подзакалиться чуточку получше, и пустил ледянистую струю. Ого-го! У меня сразу вжался живот, и я покрылся пузырьками, и так постоял полчаса, и здорово закалился. И когда я потом одевался, то вспомнил, как бабушка читала стихи про одного мальчишку, как он поси-
нел и весь дрожал.

А после обеда у меня потекло из носа, и я стал чихать. Мама сказала:

— Выпей аспирин и завтра будешь здоров. Ложись-ка! На сегодня все!

И у меня сейчас же испортилось настроение. Я чуть было не заревел, но в это время под окошком раздался крик:

— Бе-еркут! А Беркут! Да Беркут же!
Я подбежал к окошку, высунулся, а там Мишка! Я ска-
зал:

— Чего тебе, Сокол?

А он:

— Давай выходи на орбиту!

Это во двор, значит. Я ему говорю:

— Мама не пускает. Я простудился!

А мама потянула меня за ноги и говорит:

— Не высовывайся так далеко! Упадешь! С кем это ты?

Я говорю:

— Ко мне друг пришел. Небесный брат. Близнец! А ты мешаешь.

Но мама сказала железным голосом:

— Не высовывайся!

Я говорю Мишке:

— Мне мама не велит высовываться...

Мишка немножко подумал, а потом обрадовался:

→ Не велит высовываться, и правильно. Это будет у те-
бя испытание на не-вы-со-вы-ва-е-мость!

Тогда я все-таки немножко высунулся и сказал:

— Эх, Сокол ты мой, Сокол! Мне тут, может, сутки без-
выходно торчать!

А Мишка опять все по-своему перевернул:

— И очень хорошо! Прекрасная тренировка! Закрой
глаза и лежи, как в сурдокамере!

Я говорю:

— Вечером я с тобой установлю телефонную связь.

— Ладно, — сказал Мишка, — ты устанавливай со
мной, а я с тобой.

И он ушел. А я лег на папин диван, и закрыл глаза, и тре-
нировался на молчание. Потом встал и сделал зарядку. По-
том понаблюдал в иллюминатор неведомые миры, а потом
пришел папа, и я принял ужин из натуральных продуктов.
Самочувствие было превосходное. Я принес и разложил
раскладушку.

— Что так рано? — спросил папа.

А я сказал со значением:

— Вы как хотите, а я буду спать.

Мама положила мне руку на лоб и сказала:

— Ребенок заболел!

А я ничего ей не сказал. Если они не понимают, что это все тренировка на космонавта, то зачем объяснять? Не стоит! Потом сами узнают из газет, когда их благодарить будут за то, что воспитали такого сына, как я!

Пока я думал, прошло довольно много времени, и я вспомнил, что пора налаживать телефонную связь с Мишкой.

Я вышел в коридор и набрал номер. Мишка подошел сразу, только у него был какой-то чересчур толстый голос:

— Нда-нда! Говорите!

Я сказал:

— Сокол, это ты?

А он:

— Что-что?

Я опять:

— Сокол, это ты или нет? Это Беркут! Как дела?

Он засмеялся, посопел и говорит:

— Очень остроумно! Ну, довольно разыгрывать. Сонечка, это вы?

Я говорю:

— Какая там еще Сонечка, это Беркут! Ты что, обалдел, что ли?

А он:

— Кто это? Что за выражения? Хулиганство! Кто это говорит?

Я сказал:

— Это никто не говорит! — И повесил трубку. Наверно, я не туда попал. Тут папа позвал меня, и я вернулся в комнату, разделся и лег. И только стал задремывать, вдруг — «ззззз!» Телефон! Папа вскочил и выбежал в ко-

ридор, и пока я нашаривал тапочки, я слышал его серьезный голос:

— Беркутова? Какого Беркутова? Здесь такого нет! Набирайте внимательно!

Я сразу понял, что это Мишка! Это связь! Я выбежал в коридор в чем мать родила, в одних трусиках.

— Это меня, меня! Это я Беркут!

Папа сейчас же отдал мне трубку, и я закричал:

— Это Сокол? Это Беркут! Сокол! Слушаю вас!

А Мишка:

— Докладывай, чем занимаешься?

— Я сплю! — говорю я.

А Мишка:

— Я тоже! Я уже почти совсем заснул, да вспомнил одно важное дело! Беркут, слушай! Перед сном надо спеть! Вдвоем! На пару! Чтобы у нас получился космический дуэт!

— Молодец, Сокол! — я прямо подпрыгнул. — Давай любимую космонавтскую! Подпевай!

И я запел изо всех сил. Я хорошо пою, громко! Громче меня никто не может. Я по громкости первый в нашем хоре. И вот, когда я запел, сейчас же изо всех дверей стали высыпать соседи, они кричали: «Безобразия! Что случилось! Уже поздно! Распустились! Здесь коммунальная квартира! Я думала, поросенка режут!»

Но папа им сказал:

— Это небесные близнецы, Сокол с Беркутом, поют перед сном!

И тогда все замолчали.

А мы с Мишкой допели до конца:

...На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы!

НА САДОВОЙ БОЛЬШОЕ ДВИЖЕНИЕ

У Ваньки Дыхова был велосипед. Довольно старый, но все-таки ничего. Раньше это был велосипед Ванькиного папы, но когда велосипед сломался, Ванькин папа сказал:

— Вот, Ванька, чем целый день гонка гонять, на тебе эту машину, отремонтируй ее, и будет у тебя свой велосипед. Он, в общем, еще хоть куда. Я его в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году купил на барахолке, он тогда почти новый был.

И Ванька так обрадовался этому велосипеду, что просто трудно передать. Он его утащил в самый конец двора и со всем перестал гонка гонять, — наоборот, он целый день возился со своим велосипедом, стучал, колотил, отвинчивал и привинчивал. Он весь чумазый стал, наш Ванька, от машинного масла, и пальцы у него были все в ссадинах, потому что он, когда работал, часто промахивался и попадал сам себе молотком по пальцам. Но все-таки дело у него ладилось, потому что у них в пятом классе проходят слесарное дело, а Ванька всегда был отличником по труду. И я Ваньке тоже помогал чинить машину, и он каждый день говорил мне:

— Вот погоди, Дениска, когда мы ее починим, я тебя на ней катать буду. Ты сзади, на багажнике, будешь сидеть, и мы с тобой всю Москву изъездим!

И за то, что он со мной так дружит, хотя я всего только во втором, я еще больше ему помогал и, главное, старался, чтобы багажник получился красивый. Я его четыре раза черным лаком покрасил, потому что он был все равно что мой собственный. И он у меня так сверкал, этот багажник, как новенькая машина «Волга», и я все радовался, как я буду сидеть на нем, и держаться за Ванькин ремень, и мы будем носиться по всему миру.

И вот однажды Ванька поднял свой велосипед с земли, подкачал шины, протер его весь тряпочкой, и сам умылся из бочки, и застегнул брюки внизу бельевыми защепками. И я понял, что приближается наш с ним праздник. Ванька сел на машину и поехал. Он сначала объехал не торопясь вокруг двора, и машина шла под ним мягко-мягко, и было слышно, как приятно трутся о землю шины, потом Ванька прибавил скорости, и спицы засверкали, и Ванька пошел выковыривать номера: и стал петлять и крутить восьмерки, и разгонялся изо всех сил, и сразу резко тормозил, и машина останавливалась под ним как вкопанная. И он повсюду ее испытывал, как летчик-испытатель, а я стоял и смотрел, как механик, который стоит внизу и смотрит на штуки своего пилота. И мне было приятно, что Ванька так здорово ездит, хотя я могу, пожалуй, еще лучше, во всяком случае не хуже. Но велосипед был не мой, велосипед был Ванькин, и нечего тут долго разговаривать, пускай он делает на нем все что угодно. Приятно было видеть, что машина вся блестит от краски, и невозможно было догадаться, что она старая. Она была лучше любой новой. Особенно багажник. Любо-дорого было смотреть на него, прямо сердце радовалось.

И Ванька скакал так на этой машине, наверное, с полчаса, и я уже стал побаиваться, что он совсем забыл про меня, но нет, напрасно я так подумал про Ваньку. Он подъехал ко мне, ногой уткнулся в забор и говорит:

— Давай влазь.

Я пока карабкался, спросил:

— А куда поедем?

Ванька сказал:

— А не все равно? По белу свету!

И у меня сразу появилось такое настроение, как будто на нашем белом свете живут одни только веселые люди и все они только и делают, что ждут, когда же мы с Ванькой к ним приедем в гости. И когда мы к ним приедем — Ванька за рулем, а я на багажнике, — сразу начнется большущий праздник, и флаги будут развеваться, и шарики летать, и песни, и эскимо на палочке, и духовые оркестры будут греметь, и клоуны ходить на голове.

Такое вот у меня было удивительное настроение, и я примостился на свой багажник и схватился за Ванькин ремень, Ванька крутнул педали, и прощай, папа! Прощай, мама! Прощай, весь наш старый двор, и вы, голуби, тоже до свидания! Мы уезжаем кататься по белу свету! Ванька вырुлил со двора, потом за угол, и мы поехали разными переулками, где я раньше ходил только пешком, и все теперь было совершенно по-другому, незнакомое какое-то, и Ванька все время позванивал в звонок, чтобы не задавить кого-нибудь:

«Ззь! Ззь! Ззь!»

И пешеходы выпрыгивали из-под нашей машины, как куры, и мы мчались с неслыханной быстротой, и мне было очень весело, и на душе было свободно, и очень хотелось горланить что-нибудь отчаянное. И я горланил букву А. Вот так:

— Аааааааааааааа!

И очень смешно получилось, когда Ванька въехал в один старенький переулок, в котором дорога была вся в булыжниках, как при царе Горохе. Машину стало трясти, и моя оралка на букву А стала прерываться, как будто стоило ей вылететь изо рта, как кто-то сразу обрезал ее острыми ножничками и кидал на ветер. Получалось: «а!а!а!а!а!а!а!а!», но потом опять подвернулся асфальт, и все снова пошло как по маслу: «аааааааааааааа!»

И мы еще долго ездили по переулкам и наконец очень устали. Ванька остановился, и я спрыгнул со своего багажника. Ванька сказал:

— Ну как?

— Блеск, — сказал я.

— Тебе удобно было?

— Как на диване, — сказал я, — еще удобней. Что за машина! Прямо экстра-класс!

Он засмеялся и пригладил свои растрепанные волосы. Лицо у него было пыльное, грязное, и только глаза торчали из этого лица, синие, как тазики на кухне. И зубы блестели всюю.

И вот тут-то к нам с Ванькой и подошел этот парень. Он был высокий, и у него был золотой зуб. На нем была рубашка с короткими рукавами, и на руках у него были разные рисунки, портреты и пейзажи. И за ним плелась такая лохматенькая собачушка, сделанная из разных шерстей. Были кусочки шерсти черненькие, были беленькие, попадались рыженькие и был один зеленый... Хвост у нее завивался крендельком, одна нога поджата. Этот парень сказал:

— Вы откуда, ребята?

Мы ответили:

— С Трехпрудного.

Он сказал:

— Вона! Молодцы! Откуда доехали! Это твоя машина?

Ванька сказал:

— Моя. Была отцовская, теперь моя. Я ее сам отремонтировал. А вот он, — Ванька показал на меня, — он мне помогал.

Этот парень сказал:

— Да. Смотри ты. Такие неказистые ребята, а прямо химики-механики.

Я сказал:

— А это ваша собака?

Этот парень кивнул:

— Ага. Моя. Это очень ценная собака. Породистая. Испанский такс.

Ванька сказал:

— Ну что вы! Какая же это такса? Таксы узкие и длинные.

— Не знаешь, так молчи, — сказал этот парень. — Московский там или рязанский такс длинный, потому что он все время под шкафом сидит и растет в длину, а это собака другая, ценная. Она верный друг. Кличка Жулик.

Он помолчал. Потом вздохнул три раза и сказал:

— Да что толку? Хоть и верный пес, а все-таки собака. Не может мне помочь в моей беде...

И у него на глазах появились слезы! У меня прямо сердце упало. Что с ним?

Ванька сказал испуганно:

— А какая у вас беда?

Этот парень сразу покачнулся и прислонился к стене.

— Бабушка помирает, — сказал он и стал часто-часто хватать воздух губами и всхлипывать, — помирает бабуся! У ней двойной аппендицит...

Он посмотрел на нас искоса и добавил:

— Двойной аппендицит и корь тоже на левой ноге...

Тут он заревел и стал вытирать слезы рукавом. У меня заколотилось сердце. А парень прислонился к стенке поудобнее и стал выть довольно громко. А его собака, глядя на него, тоже завyla. И они оба так стояли и выли, жутко было слышать. От этого воя Ванька даже побледнел под свою пылью. Он положил свою руку на плечо этому парню и сказал дрожащим голосом:

— Не войте, пожалуйста! Зачем вы так воете?

— Да как же мне не выть, — сказал этот парень и замотал головой, — как же мне не выть, когда у меня нет сил дойти до аптеки? Три дня не ел! Ай-уй-уй-юй!

И он еще хуже завыл. И ценная собака такс тоже. И никого вокруг не было. И я прямо не знал, что делать.

Но Ванька не растерялся нисколько.

— А рецепт у вас есть? — закричал он. — Если есть, дайте его поскорее сюда, я сейчас же слетаю на машине в аптеку и привезу лекарство. Я быстро слетаю!

Я чуть не подскочил от радости. Вот так Ванька, молодец! С таким человеком не пропадешь, он всегда знает, что надо делать. Сейчас мы с ним привезем этому парню лекарство и спасем его бабушку от смерти.

Я крикнул:

— Давайте же рецепт! Нельзя терять ни минуты!

Но этот парень задергался еще хуже и замахал на нас руками, перестав выть и заорал:

— Нельзя! Куда там! Вы что? В уме? Да как это я пушу двух таких пацанят на Садовую? А? Да еще на велосипеде? Вы что? Да вы знаете, какое там движение? А? Вас там через полсекунды в клочки разорвет... Куда руки, куда ноги — головы отдельно! Ведь грузовики, пятитонки! Краны подъемные мчатся! Вам хорошо, вас задавит, а мне за вас отвечать придется! Не пушу я вас, хоть убейте! Пускай лучше бабушка умрет, бедная моя Февронья Поликарповна!

И он снова завыл своим толстым басом. Ценная собака такс вообще выла без остановки. Я не мог этого вынести, что этот парень такой благородный и что он согласен рисковать бабушкиной жизнью, только бы с нами ничего не случилось. У меня от всего этого губы стали кривиться в разные стороны. И я понял, что еще немножко — и от этих дел я завою не хуже ценной собаки. Да и у Ваньки тоже глаза стали какие-то подмоченные, и он хлюпнул носом:

— Что же нам делать?

— А очень просто, — сказал этот парень деловитым голосом. — Один только выход и есть. Давайте ваш велосипед, я на нем съезжу. И сейчас вернусь. Век свободы не видать.

И он провел ладонью поперек горла. Это, наверное, была его страшная клятва. Он протянул руку к машине. Но

Ванька держал ее довольно крепко. Этот парень подергал ее, потом бросил и снова зарыдал:

— Ой, ой, ой! Погибает моя бабушка, погибает ни за поных табаку, погибает ни за руб за двадцать... Ой, уюю...

И он стал рвать на своей голове волосы. Прямо вцепился и рвет двумя руками. Я уже не смог выдержать такого ужаса. Я заплакал и сказал Ваньке:

— Дай ему велосипед, ведь умрет бабушка. Если бы у тебя так?

А Ванька держится за велосипед и рыдает в ответ:

— Лучше уж я сам съезжу...

Тут этот парень посмотрел на Ваньку безумными глазами и захрипел, как сумасшедший:

— Не веришь, да? Не веришь? Жалко на минутку дать свой драндулет? А старушка пусть помирает? Да? Бедная старушка в беленьком платочке пусть помирает от кори? Пускай, да? А пионер с красным галстуком жалеет драндулет? Эх, вы! Душегубы! Собственники!

Он оторвал от рубашки пуговку и стал топтать ее ногами. А мы не шевелились. Мы совершенно изревелись с Ванькой. Тогда этот парень вдруг ни с того ни с сего подхватил с земли свою ценную собаку такс и стал совать ее то мне, то Ваньке в руки:

— Нате! Друга вам отдаю в залог! Верного друга отдаю! Теперь веришь? Веришь или нет?! Ценная собака идет в залог, ценная собака такс!

И он все-таки всунул эту собачонку Ваньке в руки. И тут меня осенило.

Я сказал:

— Ванька, он же собаку оставляет нам как заложника. Ему теперь никуда не деться, она же его друг и к тому же ценная. Дай машину, не бойся.

И тут Ванька дал этому парню руль и сказал:

— Вам на пятнадцать минут хватит?

— Много! — сказал парень. — Куда там? Пять минут на все про все. Ждите меня тут. Не сходите с места!

И он, верно, ловко вскочил на машину, и с места ходко взял, и прямо свернул на Садовую. И когда сворачивал за угол, ценная собака такс вдруг спрыгнула с Ваньки и как молния помчалась за ним. Ванька крикнул мне:

— Держи!

Но я сказал:

— Куда там, нипочем не догнать! Она за хозяином побежала, ей без него скучно! Вот что значит верный друг. Мне бы такую...

А Ванька сказал так робко и с вопросом:

— Но ведь она же заложница?

— Ничего, — сказал я, — они скоро оба вернутся.

И мы подождали пять минут.

— Что-то его нет, — сказал Ванька.

— Очередь, наверно, — сказал я.

Потом прошло еще часа два. Этого парня не было. И ценной собаки тоже. Когда стало темнеть, Ванька взял меня за руку.

— Все ясно, — сказал он, — пошли домой...

— Что — ясно, Ванька? — сказал я.

— Дурак я, дурак, — сказал Ванька. — Не вернется он никогда, этот тип, и велосипед не вернется. И ценная собака такс тоже!

И больше Ванька не сказал ни слова. Он, наверно, не хотел, чтобы я думал про страшное. Но я все равно про это думал.

Ведь по Садовой такое движение...

БЕЛЫЕ АМАДИНЫ

Возле нашего дома появилась афиша, такая красивая и яркая, что мимо нее невозможно было пройти равнодушно. На ней были нарисованы разнообразные птицы и написано: «Показ певчих птиц». И я сразу решил, что обязательно схожу посмотрю, что это за новости такие.

И в воскресенье, часика в два дня, я собрался, оделся и позвонил Мишке, чтобы и его захватить с собою. Но Мишка проворчал, что у него двойка по арифметике — это раз и новая книжка про шпионов — это два.

Тогда я решил отправиться сам. Мама меня отпустила охотно, потому что я ей мешал убирать, и я поехал. Певчих птиц показывали на Сельскохозяйственной выставке, и я туда легко добрался на метро. У касс почти никого не было, и я протянул в окошко двадцать копеек, но кассирша дала мне билет и вернула десять копеек обратно за то, что я школьник. Это мне ужасно понравилось. Получилось, как будто мне платят за то, что я учусь в третьем классе, десять копеек с билета! Это здорово! Это просто прекрасно! У меня десять копеек осталось! А я и не знал про такую скидку! Теперь, пожалуй, с такими-то законами, мне надо будет почаще ходить на разные выставки и показы! Ведь так можно и на фотоаппарат накопить! Например, если аппаратик стоит сорок рублей, то мне, очень просто, надо схо-

дить на четыреста выставок, и дело в шляпе! Полный порядок. У меня будет фотоаппарат! Это меня очень развеселило, и я шел к птицам в самом лучшем настроении. Вокруг стояли разные дома, на всякие фасады: то похожие на терема, то на дворцы, а то и вовсе ни на что не похожие. Это все были павильоны выставки.

Тут же некоторые папы и мамы катали своих ребят на тройках, потому что в это время здесь происходил Праздник зимы и было катание на лошадях и оленях. Жалко только очередь на катание была чересчур длинная, и я хотя и постоял в ней немного, но быстро сообразил, что если дело так будет двигаться, то я, может быть, прокачусь недельки только через полторы, а мне уж очень хотелось посмотреть певчих птиц. Поэтому я помахал рукой оленям и лошадям и пошел дальше. А около павильона, на котором было написано «Электроника», я устал. Тогда я спросил у прохожей девушки:

— Скажите, пожалуйста, далеко еще до певчих птиц?

Она показала рукой:

— А вот рядом, видишь павильон? На нем написано «Свиноводство». Там твои птицы. Иди скорей.

И я пошел в павильон «Свиноводство». Как только я открыл дверь, я понял, что не зря приехал сюда. Вокруг меня, по стенам, со всех четырех сторон, чуть ли не до потолка, одна за другой, как кубики, стояли маленькие клеточки. И в каждой клеточке жила птичка. И они все вместе пели. Хором. Но каждая свое. Кто «чирик-чирик», кто «фью-фить-фью», кто «чеки-щелк», а кто и «пи-пи-пи». И все вместе было похоже на наш класс утром, до прихода Раисы Ивановны, мы тогда тоже галдим, всякий на свой лад. И потом эти птицы были такие красивые, что я себе даже представить такого не мог. Я близко таких еще не видел. Близко я видел только воробьев. Воробьи, конечно, очень красивые и симпатичные, ничего не скажешь, но тут собрались просто какие-то невиданные чудеса. Например, тут был снегирь. Важный, сытый, круглый, ни дать ни взять мыльный

пузырь, если ты его выдуваешь на заходе солнца, когда оно красное. Тут же были и крюконосые клесты, и щекастые синички, и славочки, такие свежие и пухлые на взгляд, что, кажется, прямо живую бы съел... шутя, конечно... Иволга тоже была крупная и зеленая, как болото, и черные научные дрозды. И целый коридор занимали голуби. И они хотя и не певчие, но их, видно, со всякими диковинками сюда поместили уж заодно. Потому что если голубь яacobин, так это не хуже любой другой по красоте. Он похож на астру и бывает разных цветов: белый, и лиловый, и коричневый. Удивленье. А монахи с черными хвостами! А драконы с жуткими глазами! А почтовые, которые летают со скоростью «Волги»! Восторг!

И еще из непевчих, но поразительных птиц здесь в больших клетках сидели две попки. То есть два попки. Или нет! Двое попок! Вот. Один был белый, большой, назывался какаду. У него нос был как консервный ножик-открывалка, а из темечка рос целый пучок зеленого луку. А второй был кубинский амазон. Кубинский! Зеленый! А на груди красный галстук, как у пионера. Он все время на меня смотрел, а я ему улыбался, чтобы он знал, что я ему друг. Но это все было еще не самое главное в этом замечательном павильоне. Дело в том, что там был небольшой угол, и, постепенно переходя от клетки к клетке, я добрался и туда, совершенно еще не зная, что тут-то оно вот и есть, тут-то вот и хранится самое главное несметное сокровище.

Здесь стояли целые толпы народа. И люди отсюда никуда не отходили и не шумели совсем, а стояли плотными рядами. И я, конечно, стал потихоньку ввинчиваться в эти толпы и постепенно провинутился поближе к самому главному. Это были птички амадины. Маленькие-маленькие, белые снежки с блестящими клюквенными клювиками и величиной с полпальца. Откуда они взялись? Они, наверное, нападали с неба. Они, наверное, были осадки, а потом ожили, вышли из сугробов и давай летать-гулять по нашим дворам и переулкам перед окнами, и наконец впорхнули

в этот павильон «Свиноводство», и теперь устали и сидят, каждая в своем домике, отдыхают. А люди стоят перед ними целыми толпами, молча и недвижно, и любят их изо всех сил. Да, да. Все любят. Единогласно. И тут одна тетка с золотым зубом сказала ни с того ни с сего:

— Ну, какие маленькие... Худые... Куда их...

И все на нее оглянулись сурово, а один дедушка скривил рот и ядовито проговорил:

— Конечно, курица — она толще...

И все опять сурово посмотрели на теткин золотой зуб, а она покраснела и ушла. И все мы, кто стоял тут, поняли, что тетка не в счет, потому что она не из нашей компании. И мы так молча стояли еще долго-долго, и я все не мог наглядеться на этих птиц. Они, видно, были с какого-то седьмого неба, из волшебной жизни, про которую писал Андерсен. Такие они были маленькие, слабые и нежные, но, видно, в том-то их и сила была, у маленьких и слабых, что мы стояли как вкопанные перед ними все — и дети и даже взрослые. И наверное, мы бы никогда отсюда не ушли, но в это время по радио чей-то голос сказал:

— Внимание! Сейчас в павильоне № 2 будет проведен конкурс певчих кенарей, начало через десять минут! Просим перейти во второй павильон!

И дедушка, который отбрил тетку, сказал, словно встряхнувшись:

— Надо иттить... Семеновских певцов послушаем. И ушаковских тоже.

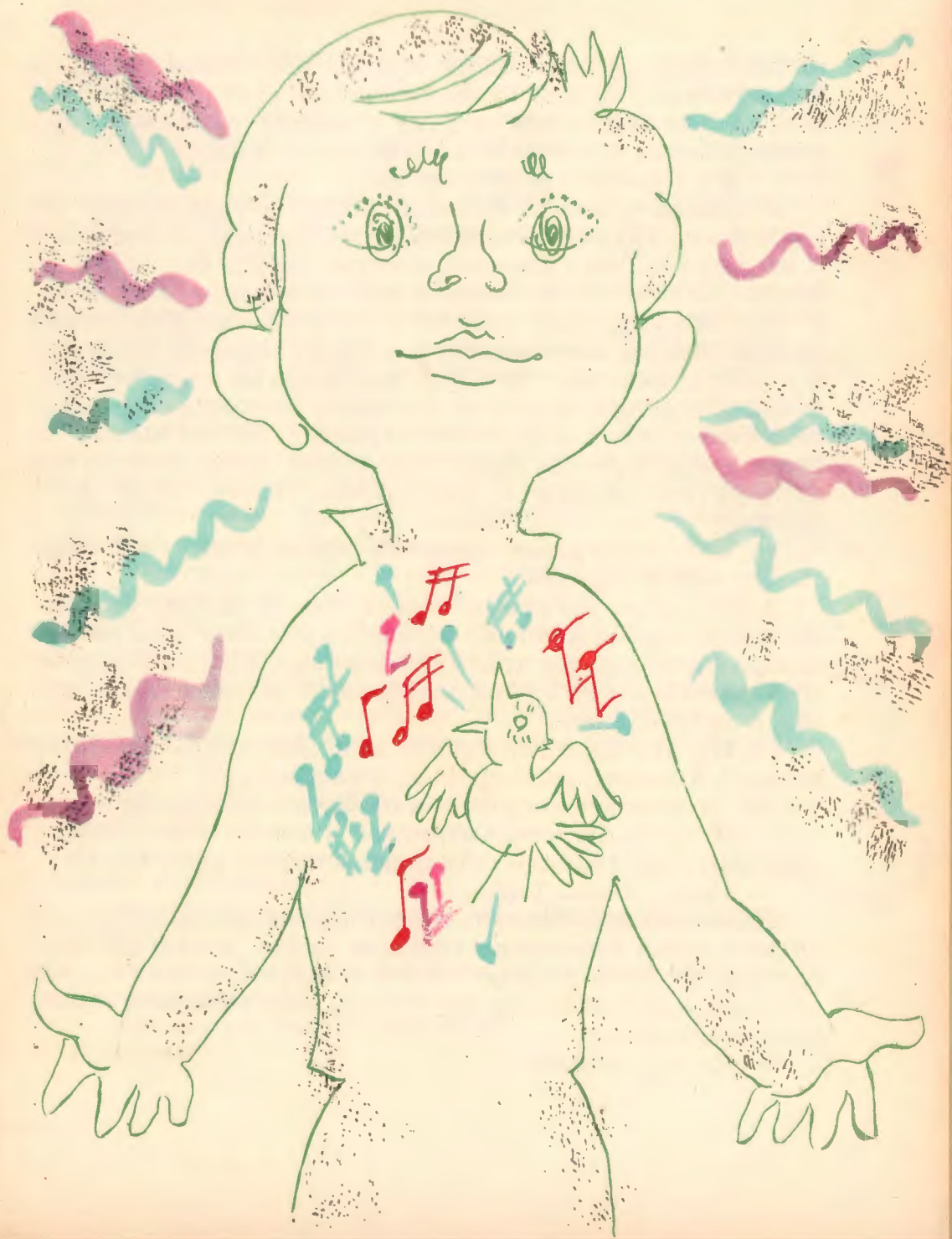
Он тронул меня за плечо:

— Пошли, мальчик...

И сам двинулся вперед, и когда прошел, я увидел, что у него валенок сзади прохудился и оттуда торчал пучок соломки.

А во втором павильоне был маленький зал, сцена и стулья. А на сцене, сбоку, стояла кафедра-трибуна для докладчика, а в центре стол, за который сразу уселись судьи птичьего пения. И я очень удивился, что дедушка, который

отбрил тетку, сел в середине этого стола. Оказывается, он был тут главный, я не знаю, но все, кто садился с ним рядом, здоровались с ним за руку и вообще оказывали ему почет. И когда все утихло, этот дедушка сказал:

— Ну, Семенов, давай, что ли...

И откуда-то вышел высокий дядька с орденскими колодками на груди, двенадцать штук наград, я сосчитал. У него в руках был плоский чемодан. Он его открыл. В чемодане было полно маленьких клеток, и в них были канарейки. Он вынул одну клеточку, в ней прыгал желтенький лимон. Семенов поставил эту клетку на кафедру-трибунку, и у Лимончика стал такой вид, как будто он и впрямь серьезный докладчик, но раз до доклада у него есть еще минут пять свободных, так он пока попрыгает. Все сохраняли тишину и ждали, когда Лимончик запоет. Но он и не думал петь. Он все прыгал и трепыхался. Кто-то сзади меня шепнул:

— Если через десять минут не запоет, снимут с конкурса. Вот тебе и Семенов.

А Лимончик все прыгал туда-сюда, потом уже было решался, открывал клювик, но, словно дразнил всех нас, не начинал петь и снова прыгал по-всякому. Мне уже надоело его ждать, и я хотел уйти, но главный дедушка вдруг сказал, и опять ядовито:

— Ну, что, Семенов, запоет он когда-нибудь? Или стесняется? А может, он сегодня не в настроении?

Все засмеялись негромко, а на бедного Семенова жалко было смотреть. Он весь вытянулся к своему Лимончику и стал вдруг ему тихонько так подсвистывать на букву С:

— Ссссс... Сссс... Ссссс...

Лимончик внимательно к нему прислушался, посмотрел на него своим блестящим глазком, видно узнал, раскрыл клювик, но снова раздумал и опять запрыгал как ни в чем не бывало. Дедушка тут же сказал, ему, наверное, нравилось ехидничать:

— Он не в голосе...

От этих дедушкиных слов Семенов чуть не заплакал. Он вынул спичку и стал скрести ею о коробок. Лимончик никак на это не отозвался. Чихать ему было на спичку. Тогда дедушка рукой подал знак, чтоб Семенов перестал скрести, и сам посунулся к Лимончику, и вдруг еле слышно... чирикнул! Да! Он чирикнул, а Лимончик как будто только этого и дожидался, весь встрепенулся, вытянулся, напрягся, похудел и запел!

Он пел долго-долго, взახлеб, свистел горошком, и тянул прямо в одну линию, и по-всякому, как в стихе, «на тысячу ладов тянул, переливался», и все больше худел, когда пел, словно таял, и все это время, пока он пел, я пел вместе с ним, только про себя, изнутри. Я пел вместе с Лимончиком и видел, какое счастливое и красное лицо у Семенова, а у дедушки, наоборот, гордое и ехидное. Это он задавался, что он один сумел заставить птицу петь. И когда Лимончик наконец замолчал и все захлопали, дедушка откинулся на спинку стула и сказал небрежно:

— Золотая медаль! Убирай, Семенов! Перерыв.

И Семенов снял Лимончика с кафедры и спрятал в чемодан. И было видно, что у него дрожат руки. А все вокруг встали и зашумели и пошли курить.

И в эту минуту я подумал, что хорошо бы рассказать про все эти дела своим, и я, недолго думая, побежал на метро, а когда очутился дома, папа и мама уже ждали меня. Папа сказал:

— Рассказывай. Понравилось?

Я сказал:

— Очень!

Мама испугалась:

— Что это за голос? Что с тобой? Почему ты сипишь?

Я сказал:

— Потому, что я пел! Я сорвал голос, и вот осип.

Папа воскликнул:

— Где это ты пел, Козловский?

Я сказал:

— Я пел на конкурсе!
— Давай подробности! — сказала мама.

Я сказал:

— Я пел с канарейкой!

Папа прямо закатился.

— Воображаю, — сказал он, — какой был успех! На бис-то вызывали?

— Не смейся, — просипел я, — я пел про себя. Изнутри.

— А! Тогда другое дело, — успокоился папа, — тогда слава богу!

Мама положила мне руку на лоб:

— А как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, — сказал я еще более сипло и ни с того ни с сего добавил: — А Лимончик получил золотую медаль...

— Он заговаривается, — чуть не плача сказала мама.

— Просто он переполнен впечатлениями, — объяснил папа, — дай ему горячего молока с боржомом. Мне действует на нервы этот сип...

...А ночью я долго не мог заснуть, я все вспоминал этот необыкновенный день: наполненный чудесами павильон «Свиноводство», и дедушку, и тетку, и Семенова, и Лимончика, и самое главное — перед моими глазами все время летали маленькие и легкие снежки, белые амадины, они прямо вклеились мне в сердце, эти клюквенные клювики, я лежал, глядел в темноту и знал, что теперь уже никогда их не забуду.

Не смогу.

СОДЕРЖАНИЕ

Друг детства	5
Хитрый способ	11
Англичанин Павля	17
Что любит Мишка	22
Запах неба и махорочки	28
Гусиное горло	37
Смерть шпиона Гадюкина	45
Независимый Горбушка	56
Пожар во флигеле или подвиг во льдах	65
Где это видано, где это слыхано? .	74
Удивительный день	82
Похититель собак	100
Десять метров над водой	109
И мы!..	118
На Садовой большое движение .	124
Белые амадины	134

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Виктор Юзефович Драгунский

ПОХИТИТЕЛЬ СОБАК

Редактор **М. В. Долотцева**
Худож. редактор **М. В. Таирова**
Техн. редактор **Е. А. Ельская**
Корректор **Л. М. Жарковская**

Сдано в набор 24/1-66 г.
Подписано к печати 1/VIII-66 г.
Формат бум. 70×90^{1/16}. Физ. печ. л. 9,0
Усл. печ. л. 10,53. Уч.-изд. л. 8,7.
Изд. инд. ЛД-18. Тираж 100 000 экз.
Цена 74 коп. в переплете. Бум. № 1.
Тем. план 1966 г. № 284.

Издательство «Советская Россия»
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Калининский полиграфкомбинат детской
литературы Росглавполиграфпрома Комите-
та по печати при Совете Министров РСФСР.
Калинини, Мигаловское шоссе, 8. Зак. № 93.

74 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

